

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
ВНУТРЕННЕЕ СУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА И ЖИЗНЬ МЕЖДУ
СМЕРТЬЮ И НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ
Шесть лекций, прочитанных в Вене с 9-го по 14-е апреля 1914 года
Цикл 32-й
Библиотечный №153

[http://www.anthroposophy.ru/index.php?
go=Files&in=view&id=21](http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Files&in=view&id=21)

Первая лекция

Вена, 9 апреля 1914 г

Лекции эти должны показать ту тесную связь, которая существует между внутренней жизнью человека и его жизнью в период от смерти до нового рождения.

Если рассматривать внутреннюю человеческую жизнь абстрактно, то она проявляется в трех формах: в форме **мышления, чувствования и воления**. Для полноты необходимо, однако, принять во внимание еще и четвертую форму. К внутренней жизни принадлежит еще и то, что человек получает от простого **чувственного восприятия**. Мы ведь не только пропускаем перед своим сознанием цвета и звуки, восприятия теплоты и т.п., но воспринимаем эти впечатления и делаем их своими восприятиями. И то обстоятельство, что мы можем вспоминать эти восприятия, что мы можем их сохранять, доказывает, что жизнь чувствований и восприятий, которая приводит нас в соприкосновение с внешним миром, принадлежит нашей внутренней жизни. Итак, мы должны сказать: к нашей внутренней жизни мы должны причислить восприятие внешнего мира, поскольку мы именно его в самом процессе восприятия превращаем во внутреннее.

Мы должны далее считать, что мир **мыслей**, при помощи которого мы приобретаем познания о близлежащем, а в науке и о лежащем вдали, что этот мир мыслей, еще в большей степени, чем восприятия, превращает внешний мир в наш внутренний мир. Мы ведь живем не только в наших восприятиях, мы размышляем над ними и сознаем, что размышлением можем узнать кое-что из тайн воспринятого.

Мы должны далее причислить к нашей внутренней жизни наши **чувства**, и то обстоятельство, что мы можем чувствовать вещи, что мы можем радоваться окружающему, это является ведь основой нашего истинного человеческого существования, это ведь и есть то, что в известном отношении составляет все наше счастье и наше горе.

И если коснуться четвертого — **воления**, то оно делает нас ценными для этого мира, оно ставит нас в такие отношения к миру, что мы живем с чувствами и познанием не только для самого себя, но можем оказывать

обратное воздействие на мир. То, что человек хочет, может хотеть и что из хотения выливается в действие, это составляет его ценность в мире. Воление делает человека составляющим членом мира, и в качестве составляющего члена, изливается при этом в мир внутренняя жизнь человека.

Таким образом все богатство, каким располагает человек в качестве душевного существа, выражается в этих четырех областях: **восприятии, мышлении, чувствовании и волении**. Если глубже поразмыслить над этими четырьмя внутренними сферами человеческой душевной природы, то обнаружится разница между отдельными парами этой четырехчленной человеческой сущности. При помощи **восприятия** мы стоим непосредственно в известном отношении к внешнему миру. Через восприятие мы превращаем внешний мир в наш внутренний мир. Но у нас такое чувство, что нам надлежит так поставить его, чтобы оно давало нам верные картины внешнего мира. И каждое заблуждение нашей жизни восприятий и чувствований, каждое заблуждение наших чувств делает нашу внутреннюю жизнь беднее; мы становимся беднее в том, что в нас может влиться из внешнего мира.

И переходя от восприятий к **мышлению**, мы заметим, что нам недостаточно, когда это мышление происходит в самом себе; мысли имеют ценность, поскольку они в нас воспроизводят нечто объективное, находящееся вне нас, нечто из внешнего мира.

Если мы далее перейдем к нашему **чувству**, то найдем, что жизнь чувств стоит гораздо теснее в связи с нашим непосредственным внутренним бытием, чем мышление и восприятие. Мы должны понимать, что мы сперва сами чисто внешне должны развиваться на физическом плане, если хотим чувствовать верным образом некоторые тонкости внешнего мира. Если у нас есть какая-либо мысль и мы считаем ее истинной, то мы говорим: она должна иметь значение для всех людей, и если мы только найдем настоящие слова, для ее выражения, то получим возможность убедить в этой мысли и остальных людей. Но это не относится к сфере наших чувств. Если же мы стоим перед каким-либо явлением природы или, скажем, перед созданным человеком произведением искусства и предоставляем своим чувствам свободно развиваться, то нам прекрасно известно, что наша человеческая природа сама по себе не даст нам возможности целиком исчерпать все то, что перед нами выступает. Мы можем встретить совершенно тупым восприятием какое-либо музыкальное произведение или живописную картину, потому что наше чувство не будет настолько воспитано, чтобы воспринимать все ее тонкости. И развивая далее эту мысль, мы найдем, что эта жизнь чувств является чем-то чрезвычайно внутренним, и что мы это внутреннее переживание не можем тотчас в мыслях передать другим людям. В нашей жизни чувств, мы при всех обстоятельствах, в известном смысле **одиоки**. Но вместе с тем мы знаем, что эта жизнь чувства является источником особого внутреннего богатства, внутреннего развития и именно благодаря тому, что она предстает нам как нечто столь субъективное, что не может непосредственно излиться в объективное в таком виде, в каком она живет внутри человека.

То же самое мы должны сказать и относительно **воли**. Люди чрезвычайно различны в отношении воления и в отношении того, что из нашего воления может излиться в действия. Хотя наши чувства мы развиваем в себе каждый в отдельности, но мы все же можем найти людей, которые в своих чувствах созвучны нам. Двух же воления, направляющихся на один и тот же объект двумя людьми, желающих в один и тот же момент времени совершить одно и то же практически не бывает. Воления не могут слиться в одном единственном объекте. Даже если мы с кем-нибудь производили одну работу, то он делает одну половину работы, а мы делаем другую ее половину. Нашим волением мы так поставлены в мире, что каждый является, благодаря своему волению, особой индивидуальностью. Таким образом, воля представляет совершенно индивидуальную ценность человека и является, с этой точки зрения, самым внутренним.

Из этого вытекает, что восприятие и мысль являются более внешними во внутренней жизни человека, а чувство и воля составляют настоящее внутреннее. Но есть и еще одно различие между этими четырьмя сферами человеческой душевной жизни. Нашим восприятием мы воспринимаем мир, но лишь с одной какой-либо точки зрения. Как мал тот отрезок мира, который мы, при помощи нашего восприятия, можем сделать нашей внутренней жизнью. А при помощи наших мыслей мы можем проникнуть дальше, но тоже не очень далеко. Короче: у нас такое чувство: при помощи восприятий и мыслей мы можем проникнуть и овладеть лишь малой частью этого мира. Иначе обстоит дело с чувствованием. Мы можем сказать себе: сколько возможностей чувствования, переживания, счастья и страдания заключается во мне самом! Сколь много мог бы я извлечь из глубины моей души! И если бы я это извлек из глубины своей души, насколько тоньше и выше чувствовал бы я предметы мира. Так же обстоит дело и с нашей волей.

Итак, при помощи восприятия и мышления мы можем принять в нашу внутреннюю жизнь только часть внешнего мира, что касается нашего чувства и нашей воли, то мы можем извлечь лишь часть того, что покоится в глубоких недрах нашей души. Итак, с одной стороны стоят восприятие и мышление, а с другой стороны чувствование и воление.

Еще более сильный свет бросает на эти четыре сферы нашей внутренней жизни эзотерическое мышление.

Вы знаете, что во время сна связь нашего астрального тела и "Я", с одной стороны, и нашего эфирного и физического тела, с другой стороны, несколько иная, чем при дневном бодрствовании. Как известно, ночью из всей сферы орудий сознания выключены астральное тело и "Я". И вот, если при помощи эзотерических упражнений, человек так укрепит свою душу, что он в своей духовно-душевной сущности становится духовно познающим и воспринимающим, если он действительно переживает духовно-душевное, как свое человеческое внетелесное, — тогда для него обнаруживается новый мир, окружающий его духовный мир. Этот духовный мир не всегда один и тот же. Человек может быть в положении духовного исследователя в различные времена и различным образом. И

на то, что человек духовно видит, всегда оказывает влияние его намерение, собственно не разумное намерение, но покоящееся во всей его душевной жизни бессознательно-инстинктивное намерение увидеть, узнать что-либо определенное. Положим, что человек выходит из своего тела, чтобы установить отношение к какому-либо умершему человеку тогда это его намерение оказывает влияние на все духовное поле его сознания. Он как бы не видит всего того, что не принадлежит к этому намерению. Он направляется к умершему и его судьбе, чтобы узнать, то что он намеревался узнать. Весь остальной духовный мир остается вне его сферы внимания. Отсюда ясно, почему описания духовного мира данные отдельными ясновидящими столь отличаются друг от друга.

И вот я опишу сегодня, что увидит ясновидческое сознание, если направляется в духовный мир с намерением познать внутреннюю человеческую жизнь, — то есть четыре сферы душевной жизни — восприятие, мышление, чувствование и воление.

Первое, что тогда выступает перед ясновидческим сознанием, это полный переворот всего мировоззрения. Пока мы в теле, мы смотрим вокруг при помощи чувств, думаем при помощи рассудка. Мы видим мир и в одной точке мира видим самих себя, как самое малое сравнительно с великим миром. Когда ясновидческое сознание начинает действовать вне тела, это соотношение прямо-таки переворачивается. Мир, который обычно простирается перед нашими чувствами, о котором мы размышляем при помощи связанного с мозгом рассудка, этот мир исчезает из поля нашего зрения, из нашего восприятия. Но вместе с тем ощущаешь себя как бы излитым в этот мир, находящимся в этом мире, наполняющем до известной границы все пространство. **То, что прежде было внешним миром, теперь становится внутренним миром.** Это не значит, что прежний внешний мир теперь переносится во внутрь, но появляется чувство, что он сделался внутренним миром, что ты живешь в пространстве, в котором прежде распространялись восприятия твоих чувств. И это маленькое существо, которое прежде стояло в центре горизонта чувств, — человек, — становится теперь, собственно, миром. И на это мы смотрим теперь, как прежде смотрели на весь распростертый в пространстве и протекающий во времени внешний мир. В этом заключается первое впечатление. **Удивительно! Выходишь из тела с намерением познать внутреннюю человеческую жизнь и первое же, что встречаешь, — это человеческий образ.** Но как изменился этот человеческий образ! Знаешь, что то, на что смотришь, — это ты, да это так, это ты, который прежде чувствовал себя изнутри в своей коже, в своей крови, теперь ты стоишь извне. Но, собственно, из того, что теперь стоит перед тобой, ты видишь прежде всего — хотелось бы сказать — внешний образ, но в превращенном виде. Глаза, то, что было глазами, сияют как два солнца, но внутренние, в блеске света вибрирующие солнца, сверкающие, вспыхивающие и в сверкании потухающие солнца, распространяющие лучистый свет. Таким представляются глаза у превращенного человеческого образа. Уши начинают некоторым образом звучать. То, что мы в физическом мире видим в форме ушей, то мы здесь не видим, но чувствуем известное звучание. Вся кожа излучается своего

рода лучами, которые скорее чувствуем, чем можем увидеть. Короче, человеческий образ представляется как нечто светящееся, звучащее, магнетически-электрическое, испускающее лучи. Но все эти выражения неточны, потому что взяты из физического мира. **И теперь знаешь: ты видишь свое тело, свое физическое тело, извне.** Знаешь: видимое с духовной точки зрения свое физическое тело — таково.

Если затем попробовать, находясь вне физического тела, развить внутреннюю деятельность, которую можно сравнить с **размышлением** — но это нечто иное, чем обычное размышление, это развертывание внутренней творческой душевной силы, — если ее развить, то в этом светящемся существе можно увидеть нечто большее: **в нем можно увидеть двигающие силы, которые пронизывают этот светящийся образ, как своего рода циркуляция сил.** И тогда знаешь: то, что ты видишь включенным в свое светящееся тело, **это — видимая извне жизнь мыслей.** Можно это назвать частью эфирного тела, которую видишь. **Эфирное тело можно видеть в форме деятельной жизни мыслей.** Она как циркуляция темных волн, духовная циркуляция крови.

Таким образом, находясь вне своего тела, можно получить познание того, что действительно существуют физическое и эфирное тела, и можно узнать, как они выглядят извне. Но внутреннее укрепление может идти и дальше. Если видеть только то, что я теперь привел, то можно подумать, что мы являемся существом, которое на физическом плане, правда, получает впечатления внешнего мира, но внутренне остается совершенно лишенным чувств. Однако то, что соответствует чувствованию на физическом плане, может быть внутренне пробуждено также и вне физического тела. Это то, что отвечает чувствованию в духовном мире. До сего времени мы ощущали лишь: мы находимся в пространстве и витаем во времени. Когда же вне физического тела пробуждается отвечающая чувствованию душевная способность, тогда душевное начинает развивать знание, благодаря которому, все извне находящееся освещается, благодаря которому чувствуешь себя не только простирающимся в пространстве, но воспринимающим то, что находится в этом пространстве, что как существо движется в этом потоке времен. И находишь себя оживающим внутри внешнего мира, в духовном, которое наполняет и волнуется этот внешний мир. Представляется, точно пространство, в котором до того только чувствовал себя, теперь наполняется бесчисленными звездами, которые все находятся в движении и к которым сам принадлежишь. И тогда знаешь: **это ты переживаешь себя самого в своем астральном теле.** И в тот момент, когда ты концентрируешься на астральном, на звездной жизни астрального тела, тогда оставленное тобой физическое тело, представляется тебе иначе. Если ты сосредотачиваешься на нем, оно представляется тебе светящимся, и ты видишь движение твоего мыслительного эфирного тела. Если же ты сможешь так сосредоточиться, что в тебе оживет внутренний звездный мир, о котором ты знаешь, что заполняешь его, — тогда физическое тело перестает светиться и циркуляция мыслей прекращается. **Но вместо этого перед тобой встает образ твоего**

собственного существа, которое тебе представляется как твоя олицетворенная Карма. То, что мы как люди несем в себе, почему мы готовим себе ту или иную судьбу, это как бы «свернуто в трубку». Наша Карма, наша судьба стоит олицетворенная перед нами. И когда мы на это взираем, мы знаем: **Это ты, каков ты есть в своей внутренней моральной сущности... Это ты, каков ты, как индивидуальность, стоишь в мире. Это — всецело ты сам.**

И еще одно сознание всплывает, весьма удручающее сознание: эту олицетворенную свою судьбу ты ощущаешь тогда в теснейшей связи со своей телесностью, со своим земным человеком. Ты получаешь непосредственное сознание: твои мускулы и вся мускульная система в твоём земном существе является построением, созданием этой твоей судьбы, твоей Кармы. Теперь поистине можно сказать: сколь отлична Майя от истины. Пока мы находимся на физическом плане, мы думаем, что этот земной человек состоит из мясных (плотских) мускулов, в действительности же эти плотские **мускулы являются кристаллизованной Кармой.** И они так образованы, так кристаллизованы в человеке, **что человек вплоть до тончайшего химического состава несет в своей мускульной системе свою кристаллизованную Карму.** Он настолько несет ее в ней, что духовному ясновидящему становится совершенно ясно: если человек двигает своими мускулами так, что положим, направляется к месту, в котором его постигает несчастье, то это происходит по той причине, что в мускулах его лежит духовная сила, которая привела его на то место, где произошло несчастье.

Мировой порядок закристаллизовал нашу судьбу в нашей мускулатуре, и в ней живет дух, закристаллизованный для внешнего физического плана, который, неведомо для нас, ведет нас повсюду, куда мы, в соответствии с нашей Кармой должны прийти.

Если это внутреннее укрепление пойдет дальше, если человек вне своего тела сможет еще дальше пережить свое внутреннее, тогда перед ним встает то, что в физической жизни, на физическом плане отвечает импульсу **воли.** И как только всплывает эта внутренняя жизнь воли, так человек чувствует себя не только внутри звездной системы, **но в самом Солнце этой звездной системы. Он знает, что он един с Солнцем своей планетной системы** (*Mit der Sonne seines Planetensystems*). Хотелось бы сказать: когда внутренне переживаешь свое астральное тело, то знаешь, что ты един с планетой своей планетной системы, а когда со своим “Я” поднимаешься из тела, то сознаешь себя единым с Солнцем своей солнечной системы, на которую все направлено. И если теперь оглянуться на то, что не внутри, а снаружи (потому что то, что является внешним, пока мы в физическом теле, становится внутренним, когда мы вне его и наоборот, то, что является внутренним, пока мы в физическом теле, становится внешним, когда мы вне его), — итак, если теперь оглянуться на самого себя, тогда перед нами встает иное: встает необходимость, чтобы то, что в физическом мире является нашей собственной телесностью, чтобы это возникало и преходило. Возникновение и прехожждение физического тела встает тогда перед нами.

Мы как бы усматриваем, что существуют духовные силы и сущности, которые ведут и направляют возникновение физического тела, и что существуют, опять же, другие, которые обрубают это физическое тело. И мы тогда приходим к сознанию, в чем кристаллизуется в физическом мире это возникновение и прехождение. Потому что мы знаем: **это возникновение и прехождение, собственно говоря, связано с костной системой человека.** Построением костной системы в человеческом физическом теле установлена, так сказать, форма, в которой человек переживает в физическом мире рождение и смерть. В зависимости от того, как закристаллизована костная система в человеке, определяется возникновение и прехождение человека, как существа. Мы приходим к сознанию: ты не мог бы быть в физическом существовании тем существом, которое ты есть, если бы не было сотрудничества всего мира, чтобы внутри твоего физического существования так укрепить твою физическую природу, чтобы она предстала перед тобой в виде костной системы.

И тогда начинаешь относиться с чувством почитания к костной системе и через нее к правящим мировым силам, которые имеют духовное выражение во всех, сосредоточенных в солнечной жизни, существах. Начинаешь, как бы, познавать, что **эта костная система вписана в мировой порядок в качестве основного плана человека** и что, остальное, состоящее из физических органов, как бы привешено к ней.

Такое духовное ясновидение приводит в конце концов к сознанию, что духовные миры как бы создали себе физический внешний символ. К этим духовным мирам человек в действительности принадлежит своим внутренним существом. А теперь можно также узнать: когда мы совершаем в мире наши поступки, когда мы развиваем нашу волю, тогда это в нас действует сила, которая без нашего сознания действует на физический план и которую мы, собственно, теперь только узнаем. Если мы продвигаемся вперед и для этого продвижения пользуемся механизмом нашей костной системы, то в этом процессе продвижения действуют универсальные космические силы, в которых мы сами только тогда действительно находимся, когда мы находимся на четвертой ступени переживания себя вне своей жизни.

Человек делает, положим, прогулку и при помощи системы костной механики приводит в движение свои члены, он думает, что делает это ради своего удовольствия. Для того чтобы это произошло, чтобы были силы, при помощи которых мы можем двигать своим костным механизмом, должен быть целый мир и целый мир должен быть пронизан божественно-духовными силами, о которых мы узнаем только тогда, когда находимся на этой четвертой ступени. В каждом нашем шаге живет божественно-духовный космос, и когда мы думаем, что мы сами передвигаем наши ноги, мы на самом деле не могли бы этого сделать, если бы не жили в духовном космосе, в божественном мире. Пока мы живем в физическом мире, мы обращаем взоры вокруг и видим существа минерального, растительного, животного царств, видим горы, реки, моря, озера, облака, звезды, Солнце и Луну, и то что мы видим внешне, то имеет также внутреннее, и в это внутреннее мы входим сами, когда

описанным образом начинаем жить вне нашего тела. И когда мы в нем живем, мы знаем: то духовное, что в них заключается, то что скрыто за светящимся Солнцем, за блестящими звездами, горами, реками и т.д., это живет и в нашей костной механике, когда она движется. Затем в нас возникает лучшее понимание того, что происходило перед тем. Наши чувства стоят в тесной связи с нашей мускульной системой, в такой же связи, как наша воля с нашей костной системой. Мускульная система является символическим выражением нашей системы чувств. Строение наших мышц, а также возможность, которую дают нам наши мышцы, сокращаться и удлиняться и тем вызывать движения костного механизма, все это возможно благодаря планетной системе, которую мы познаем, когда находимся в нашем астральном теле.

В нашей мускульной системе живет вся планетная система точно также, как в нашей костной механике — весь космос. Мы видим, что человеческая природа проникнута божественным космосом. Из божественно-духовного произошел весь человек. Когда мы смотрим на него, как все его чувства втекают (проникают) в деятельность его мышц, и божественно-духовное, космическое втекает (проникает) в его кости, мы видим, что весь мир живет в движении его костей, вся планетная система живет в сокращениях, растяжениях и ослаблениях его мышц, когда мы все это видим, тогда мы говорим с полным пониманием: да, ***человек родился из божественного —***

EX DEO NASCIMUR

Вторая лекция

Вена, 10 апреля 1914 г

Есть еще и другой способ выйти из тела. Для этого необходимо попробовать связать переживания с тем, что в душе является наиболее похожим на духовный опыт, а именно — связать переживания с памятью. Часто указывалось, что мы, собственно, уже превращаем нашу внутреннюю жизнь в нечто духовное, благодаря тому, что не только воспринимаем, мыслим, чувствуем и волим, но также сохраняем наши чувства, восприятия и мысли, как некое сокровище, в памяти. Французский философ А. Бергсон тоже указывал, что находящееся в человеческой душе сокровище воспоминаний нельзя считать непосредственно связанным с телесным, его необходимо рассматривать скорее как нечто внутренне-душевное, как нечто чисто духовно-душевное. И действительно, когда в ясновидческом сознании начинаются имажинации, возникают первые впечатления из духовного мира, то они, по своему качеству и по своей сущности, очень похожи на душевное содержание, образуемое в нас воспоминаниями. ***Итак, наши воспоминания являются первым действительно духовным***

началом, которое нас известным образом извлекает из нашего тела. Но мы должны идти дальше и должны извлечь из духовных глубин парящие, как бы за нашими воспоминаниями, духовные картины. Возникает, таким образом, нечто из чуждых духовных областей, тогда как сокровище наших воспоминаний возникает из того, что мы пережили на физическом плане.

Если мы попробуем обратить духовный взгляд на переживания нашего “Я” в течение тех лет, которые протекли с того момента нашего детства, до которого восходит наше воспоминание, — если мы попробуем устранить от всего внешнего и совершенно вжиться в самих себя, так чтобы все больше и больше погружаться в свои воспоминания, чтобы извлекать из сокровища наших воспоминаний даже то, что обычно не встает перед нами, — тогда мы все больше приближаемся к тому моменту, далее которого наши воспоминания не идут. И если мы будем этим заниматься часто и выработаем даже в этом отношении известную практику и разовьем силу собственных воспоминаний, тогда мы увидим, что, подобно цветам на лугу среди зелени, среди наших воспоминаний возникают картины, имажинации чего-то такого, чего мы до этого не знали. Они возникают из совершенно других духовных глубин, чем воспоминания, которые всплывают собственно только из нашей собственной души. Итак, мы постепенно вживаемся в возможность развивать силы для извлечения духовного из духовных глубин. Таким образом мы выходим из нашего тела, однако иначе, чем это было описано вчера.

Вчерашний способ дает возможность покинуть тело, некоторым образом, непосредственно. При указанном же сегодня способе мы сперва пробегаем всю нашу жизнь и приучаемся проникать в духовный мир через наше рождение. **Мы проникаем в духовный мир, в котором мы жили до нашей теперешней физической инкарнации.** Описанным сегодня способом мы выходим из нашего тела совершенно иначе. При вчерашнем способе чувствуешь себя как бы вне своего тела во внешнем пространстве. Выходишь из себя и заполняешь пространство. **Выходишь в пространство.** При втором же способеходишь из самого пространства, пространство перестает тогда иметь для нас какое-либо значение, мы тогда покидаем пространство и остаемся только еще **во времени.** Слова: «Я нахожусь вне моего тела», — теряют тогда смысл, потому что «вне» означает нечто пространственное. Мы тогда чувствуем себя не одновременно со своим телом, мы переживаем себя во времени, в котором мы были до нашего воплощения, во времени, которое было **«прежде».** А тело мы видим, как существующее **«после».** Таким образом, вместо «вне» и «внутри», выступают **«прежде»** и **«после».** Такой способ дает нам возможность действительно проникнуть в те области, в которых мы живем от смерти до нового рождения. Мы вживаемся в жизнь, которой мы жили перед этой земной жизнью. И эта земная жизнь представляется нам тогда в таком виде, что мы говорим: это же будет так, в будущей? что же выявится нам там, потом? Этот выход из тела обладает значительно большей степенью внутреннего, чем первый, потому что он дает возможность по-настоящему познать глубокое внутреннее души.

Пока человек живет в физическом теле, у него наряду с физической жизнью есть еще более высокая душевная жизнь. Такой более высокой жизнью всегда наполняли человека **религии**. Человеческая душа тянется к духовной жизни. Чувствовать в себе духовную жизнь, знать что-либо о духовной жизни, это, собственно, придает человеку достоинство. Можно сказать: пока человек живет в физическом теле, он стремится повысить свое достоинство, почуять свое настоящее назначение путем ощущения, познания духовного мира.

Смотря вверх к духу, ощущай духовные силы, которые пронизывают физический мир! Об этом говорит человеку религиозная жизнь. Назовем то, что извлекает человека из этого физического мира, религией и спросим: есть ли между смертью и новым рождением, есть ли в том мире, в который мы входим вторым способом, то есть, выходя за пределы пространства, что-либо, что можно было бы назвать религией этой духовной страны, которую можно было бы сравнить с религиозной жизнью здесь на Земле? Есть ли что-либо, чтобы так противостояло переживаниям духовного мира, как противостоят повседневной жизни физического плана получаемые нами указания на сверхчувственный мир? Ясновидец приходит к сознанию, что в духовном мире имеется нечто, отвечающее религиозной жизни. В то время как мы в духовной стране переживаем духовных сущностей и духовные события точно также, как переживаем здесь физические существа и физические процессы, мы непрерывно в течение этой духовной жизни или, по крайней мере, в значительной части этой жизни между смертью и новым рождением имеем перед собой **мощную духовную картину — образ человеческого идеала. Все, что здесь на Земле возвышает человека мы имеем в религии. В духовном мире религией является человеческий идеал (Menschenideal).** Мы познаем, что различные сущности различных духовных Иерархий объединили свои намерения, свои силы, чтобы описанным в моем «Тайноведении» способом постепенно дать произойти человеку. Боги поставили себе целью создание идеального человека (*Menschenideal*), такого идеального человека, который изживал бы свою жизнь поистине не так, как ее изживает физический человек, но так, как могла бы изживаться высшая человеческая душевно-духовная жизнь в условиях вполне развитых задатков этого физического человека.

Картина человечества витает, таким образом, перед богами как высший человеческий идеал, как религия богов. Это — точно храм, который в качестве высшего художественного достижения богов, выставляет отображение божественного бытия в человеческом образе. И развиваясь в духовной стране между смертью и новым рождением, человек постепенно становится все более и более зрелым для созерцания этого храма человечества, этого высокого человеческого идеала. И в то время как мы здесь на Земле так ощущаем религиозную жизнь, что извлечение ее из нас самих является нашей свободной деятельностью, так что настроенному материалистически мышлению возможно и отрицать религиозное, — в духовной стране между смертью и новым рождением имеет место как раз противоположное. Чем больше мы вживаемся во

вторую половину времени между смертью и новым рождением, тем отчетливее стоит перед нами, так что мы не можем не видеть его, так что он все время находится перед нами, совершеннейший человеческий идеал, божественная цель миров. Здесь на Земле человек может быть не религиозным, потому что душа его может за физическим не видеть духа. Там же невозможно, чтобы человек не видел цели Богов, потому что она со всею точностью встает перед глазами. Познавательной религии там не может быть, потому что то, что имеет религиозное содержание, должно быть познано. Если мы там, однако, и не можем развивать познавательной религии, то мы все же под руководством высших духовных существ, которые там работают для человека, развиваем своего рода религию.

Распознаванию и созерцанию нас нечего учить во второй половине нашей жизни между смертью и новым рождением, потому что они сами собой разумеются, но наше воление, наше чувствующее воление, заставляющее нас действительно стремиться к тому, что мы там видим, должно быть возбуждено. В наше поволенное чувствование, в наше **чувственное воление** вливаются с этой целью божественная воля и божественное чувствование. Для того, чтобы мы во второй половине нашей жизни между смертью и новым рождением выбрали путь в этом направлении, мы подвергаемся здесь обучению в отношении рассудка. Через представление учитель оказывает воздействие на наше чувство. Там же (в духовном мире) происходит так, что когда мы проходим середину между смертью и новым рождением, то есть в тот момент, который я в своей драме «Пробуждение души» обозначил **«ПОЛУНОЧНЫМ ЧАСОМ»**, нас сперва охватывает известное ощущение **воли и чувств** в отношении того, что в виде великолепного храма стоит в дали времен. Тогда божественные силы прокаливают и прогревают нашу внутреннюю душевность. Это является обучением, которое непосредственно говорит нашему внутреннему и которое выражается таким образом, что мы все больше и больше приобретаем способность действительно желать идти по пути к тому, что мы видим в качестве идеала. В физической жизни мы стоим перед учителем или воспитателем и чувствуем, что он извне говорит в наше сердце, в духовной же стране мы чувствуем, что наши духовные воспитатели высших Иерархий, воспитывая нас, вливают непосредственно в наше внутреннее свои собственные силы. Земные воспитатели говорят с нами, духовные воспитатели, воспитывая нас духовно-религиозно, вкладывают свою жизнь в наши души. Итак, мы чувствуем все больше и больше этих воспитателей высших Иерархий, мы чувствуем себя все теснее связанными с ними, и, благодаря этому, укрепляется наша внутренняя жизнь. Боги все больше и больше принимают тебя. Боги все больше и больше живут в твоей душе и помогают тебе становиться все крепче и крепче. Это проходит в качестве основного чувства преимущественно через вторую половину нашей жизни между смертью и новым рождением.

Воспитываемые богами, мы приходим к одному определенному моменту жизни между смертью и новым рождением, мы приходим **к одному важному моменту**. Силы, которые могут быть вложены в нас этими божественно-духовными воспитателями, зависят от того, что мы из себя

сделали в продолжение нашей предшествующей человеческой инкарнации. И вот когда мы переживаем мировой полуночный час и продолжаем дальше вживаться во времена, мы приходим к одному моменту времени, **когда в последней перспективе усматриваем человеческий идеал**. И тут мы как бы внутренне говорим себе: божественно-духовные силы работали в тебе, проникали все глубже в твою душу, живут теперь в тебе, но теперь ты подошел к тому моменту, когда дальше уже не можешь проникнуть с этими силами. Если бы ты захотел идти дальше, ты должен был бы быть значительно совершеннее.

И в этот момент **к нам подступает тяжелое испытание**. Боги дали нам все, что они нам пока могли дать, они сделали нас настолько сильными, насколько это было возможно, в соответствии с нашей предшествовавшей жизнью. И вот искушение подходит к нам и говорит: «Теперь ты можешь следовать за этими Богами, ты можешь теперь все что ты есть, как бы влить в данные тебе Богами силы, ты можешь войти в духовные миры, потому что много, много дали тебе Боги... Ты можешь совершенно одухотвориться».

Такая перспектива открывается перед душой. Но это душа может сделать, **только отклонившись от пути к великому человеческому идеалу, только сойдя с этого пути**. Иными словами, это значит — можно направить свой путь в духовные миры, **взяв с собой в духовные миры все свои несовершенства**, там они превратятся в совершенства. И войдя с несовершенствами в духовные миры, душа могла бы, благодаря тому, что ее пронизывают божественные силы, стать некоей сущностью, но эта сущность была бы **лишена тех задатков, которые в ней заложены, которые она еще не развила на своем пути и которые лежат на пути к великому человеческому идеалу**. Душа была бы лишена этих задатков. И всякий раз, как мы идем к земному воплощению, к нам подходит искушение остаться в духовном мире, войти в дух и развиваться дальше с тем, что мы уже имеем, что уже совершенно проникнуто божеством, и отказаться от того, чем мы могли бы еще сделаться, если бы, будучи человеком, продолжали идти по пути к далекому религиозному идеалу божественно-духовного мира.

Душа испытывает искушение сделаться нерелигиозной для духовного мира. Это искушение тем сильнее, что ни в какой момент человеческого развития Люцифер не имеет большей власти над человеком, как в этот момент, когда он ему говорит: «воспользуйся случаем, ты можешь остаться в духе, ты можешь все то, что до сих пор развил, перевести в духовный свет!» И Люцифер пытается заставить душу забыть то, что в ней еще имеется в виде задатков, что стоит в далеком храме на далеком берегу бытия времен.

В таком состоянии как сейчас, человечество не могло бы противостоять искушению Люцифера, если бы ему не пришли на помощь духи, противником которых является Люцифер. И вот наступает борьба за человеческую душу между Богами, которые ведут человека к его идеалу и признают религию Богов, и Люцифером. И результатом этой борьбы является то, что прообраз созданный человеком для своего земного существования, **выбрасывается из времени в пространство и**

магнетически притягивается пространственным бытием. В этот же момент проявляется и магнетическое притяжение, исходящее от родительской пары, и человек переносится в пространственные сферы. И вместе с тем вокруг человека все прикрывается, что могло бы ему внушить искушение остаться только в духовном мире. И это прикрытие выражается именно в окутывании человека телесностью. Человек окутывается в телесность для того, чтобы он не видел того, что Люцифер ставит перед ним. И когда человек окутан в телесную оболочку и смотрит на мир своими телесными чувствами и своим телесным рассудком, то он уже больше не видит того, к чему, под влиянием искусителя, стремился в духовном мире, он смотрит на этот мир духовных сущностей и духовных процессов извне, как он раскрывается телесным чувствам и связанному с мозгом рассудку. И когда он находится в чувственном теле, развитие его берут на себя духи,двигающие его вперед. А теперь спросим себя: многое ли происходит с нами между рождением и смертью (во время земной жизни) в подсознательных душевных глубинах, так что мы о том ничего не знаем? Если бы мы все делали сознательно, то мы ведь совершенно не могли бы закончить земное бытие. В моей книге «Духовное водительство человека» я уже указал, что человек входя в физическое воплощение, должен сперва сам пластически работать над своей мозговой и нервной системой. Он работает над ней бессознательно. В этом выражается неизмеримо большая мудрость, чем человек способен понять своим чувственным разумом. В нас господствует в период между рождением и смертью мудрость, которая стоит за миром, на которую мы взираем нашими чувствами и о которых мы думаем нашим, связанным с мозгом рассудком. Эта мудрость сокрыта от нас в период между рождением и смертью, но она господствует, живет, действует в наших подсознательных душевных глубинах, и она должна, некоторым образом, в этих подсознательных душевных глубинах взять в руки дела человека, потому что человек должен быть на некоторое время отстранен от зрелища, которое представляло бы для него искушение. Если бы не было этого вмешательства, которое путем старательной подготовки постепенно вводит нас в духовный мир, если бы Стражи Порога не отстраняли нас от заглядывания в духовный мир, мы бы постепенно шаг за шагом подвергались искушению отбросить наши еще несовершенные, еще не выявившиеся задатки и подняться ввысь в духовные миры вместе со своими несовершенствами. Мы, таким образом, пользуемся нашей земной жизнью, чтобы в течение этого времени быть отстраненными от искушения Люцифера. И в течение этой земной жизни мы получаем новое стремление двигаться по направлению к далеким целям человеческого идеала. И в течение всего нашего пребывания на Земле, в течение всего времени, что мы старательно не взираем на духовный мир и не подвергаемся искушению следовать за Люцифером, — в течение всего этого времени в нас действуют толкающие нас вперед божественные духи. И они опять же вливают в нас столько силы, что когда мы затем проходим через врата смерти, мы опять в состоянии пройти еще новое расстояние по направлению к человеческому идеалу. В этом заключается еще одна тайна, которая лежит за человеческим бытием. Когда мы воспринимаем,

думаем, чувствуем, волим, накапливаем сокровище воспоминаний для того, чтобы иметь связанное существование в физическом бытии, за всем этим, за этой нашей сознательной жизнью, работают божественно-духовные сущности: они направляют течение времен. **Они выпустили нас в пространство с тем, чтобы мы в этом пространстве имели ровно столько сознания, сколько Боги считают для нас необходимым и полезным для того, чтобы они за этим сознанием имели возможность направлять наши судьбы далее по направлению к человеческому идеалу божественной религии.** Если так взирать на наше внутреннее, если усмотреть в самих себе это более глубокое, скрытое в нас душевное и если попробовать затем усмотреть, как в этом душевном (которым мы не управляем) господствуют Боги, господствует Бог, — тогда в нас возникает настоящее чувство о господствующем в нас Боге. Мы рождены из более глубокого душевного, из того душевного, которое находится еще у богов, которое течет в потоке времен, течет вместе с божественным. Исходя из приведенных соображений, мы с еще большим основанием можем сказать:

МЫ РОДИЛИСЬ ИЗ БОГА — EX DEO NASCIMUR

Третья лекция

Вена, 11 апреля 1914 г

Мы видим, что человек является весьма сложным существом в этом мире, и это нам становится особенно ясно, если мы примем во внимание, что идеальный образ человека, то, чем человек должен быть, если разовьет все заложенные в него задатки, что этот образ идеального человека в основе является содержанием божественной религии, и что все духовные сущности различных Иерархий, которых можно узнать в связи с человеческой природой, **объединяют свои цели для того, чтобы, исходя из космоса, как целого, создать человека как смысл (wie der Sinn) этого космоса.** И первое, что необходимо сказать, это то, что человек, **воспринимая впечатления** из физического мира, в этих восприятиях, поскольку они отражаются в его сознании, воспринимает, собственно, только небольшую часть того, что в него изливается. Когда человек, пребывая в физическом мире, с открытыми органами чувств созерцает мир своим рассудком, связанным с мозгом и нервной системой, **то в человеческое представление проникает только маленькая часть того, что изливается на человека,** только малая его часть проникает в человека. В свете и цвете заключается гораздо больше, чем то, что доходит до сознания человека. Также и в звуке заключается гораздо большее. Внешняя материалистическая физика говорит, исходя из своего ребяческого миропонимания, что за

цветом и светом происходят материальные процессы, колебания атомов и т.п. Это поистине ребяческое миропонимание, потому что в действительности происходит следующее. Нечто чрезвычайно своеобразное обнаруживается, когда мы ясновидчески наблюдаем процесс восприятия. Нечто воздействует на наш глаз, мы воспринимаем свет или цвет, и своеобразие состоит в том, что согласно духовному исследованию, в человеческом существе выступает при этом не только свет и цвет, но то, что в нашем ощущении свету и цвету сопутствует, **своего рода световой или цветовой труп**. Наш глаз побуждает нас к тому, что мы получаем световое или цветное ощущение. Можно было бы таким образом сказать: свет струится к нам и подготавливает нам световые ощущения. Однако, в то время как в нашем сознании находится свет, в это время наше **человеческое существо пронизано чем-то, что должно умереть в этом человеческом существе для того, чтобы мы имели световое ощущение**. И мы не можем иметь ни одного восприятия, ни одного ощущения без того, чтобы одновременно через это ощущение не протискивалось своего рода образование трупа, которое сопутствует этому ощущению. Итак, когда мы открываем наши органы чувств, то мы принимаем в себя трупы всех наших восприятий как фантомы, но как деятельные фантомы. Это чрезвычайно своеобразный феномен. В чем же заключается причина этого своеобразного феномена? Рассмотрим этот вопрос в связи со светом. За светом стоит весьма многое. Свет является лишь передовым отрядом того, что на нас обрушивается. За светом не стоит, конечно, то волнообразное движение, о котором фантазирует внешняя физика, но за ним, как и **за всеми восприятиями, и за всеми впечатлениями, стоит прежде всего то, что мы схватываем лишь тогда, когда взираем на мир с точки зрения духовной науки при помощи имагинации, при помощи творческих картин**. В тот момент, когда мы увидим или воспримем все то, что живет в свете, или в звуке, или в тепле, **мы воспримем за тем, что проникает в наше сознание, творческую имагинацию, а за ней открывающую себя инспирацию, а в ней опять же интуицию**. Таким образом то, что входит в наше сознание как ощущение света или звука, является как бы верхним слоем, как бы лишь пеной того, что к нам подходит, а в нем живет то, что могло бы сделаться имагинацией, инспирацией, интуицией, если бы дошло до нашего сознания. **Таким образом, мы получаем лишь четверть того, что на нас изливается, остальные три четверти проникают в нас так, что не доходят до нашего сознания**. И если мы ближе исследуем эти три проникающие в нас — имагинацию, инспирацию и интуицию, то мы найдем, что, если они действительно войдут в наш организм, они так подействуют, что даже в течение нашего физического бытия вызовут в нас такое одухотворение, какое я вчера указал в качестве возможного результата искушения Люцифера. **Эти имагинация, инспирация и интуиция оказывали бы на нас такое воздействие, что в нас возникло бы стремление оставить все имеющиеся в нас задатки для достижения в далеком будущем человеческого идеала и одухотвориться со всем, что в нас в данный момент**

имеется, мы захотели бы сделаться духовными существами на той ступени совершенства, которой мы достигли в своей предыдущей жизни. Мы бы сказали себе: стать человеком слишком тяжело и требует слишком большого напряжения и слишком тяжелого пути в будущем. Лучше уж мы оставим все эти возможности стать человеком и сделаемся ангелом со всеми теми несовершенствами, которые в нас заключаются, потому что тогда мы непосредственно войдем в духовный мир, тогда мы одухотворим наше существо, правда, мы станем тогда менее совершенными, чем могли бы быть, благодаря нашим задаткам, но мы все же станем духовными, ангелообразными существами.

Вы видите из этого примера, сколь важно то, что называют порогом духовного мира, и сколь важна та сущность, которую называют **СТРАЖЕМ ПОРОГА**. Он допускает в наше сознание только ощущение и не пропускает имажинации, инспирации и интуиции, которые, если бы проникли в сознание, вызвали бы непосредственное стремление к проодухотворению и отказу от дальнейших человеческих жизней. Поэтому все закрывается от нас, дверь нашего сознания закрывается перед этим. Но в наше существо оно все же проникает. И в то время, как оно в нас проникает, и мы его спускаем в темные глубины нашего подсознания, в наше существо входят, с одной стороны, духовные сущности — противники Люцифера, и в нас возникает борьба между Люцифером, который посылает внутрь нашего существа свою имажинацию, инспирацию и интуицию, и теми духовными сущностями, которые являются его противниками. И эту битву мы бы всегда видели при каждом ощущении, при каждом восприятии, если бы для внешнего восприятия не был поставлен предел, порог духовного мира, перед которым, однако, духовный ясновидческий взор не замыкается. **И результатом этой разыгрывающейся в нас битвы является то, что я охарактеризовал как своего рода находящийся в нас частичный труп**. Этот труп является выражением того, что должно в нас стать совершенно материальным, чтобы мы не были в состоянии одухотворить его. Если бы этот труп не образовался благодаря битве Люцифера и его противников, то в нас были бы вместо того имажинации, инспирации, интуиции, и мы бы непосредственно вознеслись в духовный мир. **Труп образует ту тяжесть, благодаря которой добрые духовные сущности — противники Люцифера — удерживают нас в физическом мире**, они удерживают нас так, что мы как бы держим в сокрытом состоянии то, что должно в нас образовать стремление к одухотворению, и для того, чтобы мы, соответственно этому сокрытому, устремились к действительному идеалу человеческой природы и направили к нему все задатки, которые могут в нас находиться. Тем, что в нас образуется это включение, этот как бы «**трупный фантом**», тем, что мы при каждом восприятии пронизываемся чем-то, что является трупом, этим мы убиваем рождающееся в нас при каждом восприятии стремление к одухотворению. **И в то время, как образуется это включение, возникает то, о чем я часто говорил и что необходимо уяснить себе во всем его значении**: видите ли, когда вы смотрите в зеркало, то перед вами находится стекло, но вы могли бы

видеть сквозь него, если бы оно не было покрыто зеркальным составом. Благодаря тому, что стекло покрыто зеркальным составом, в нем отражается все, что находится перед зеркалом. Если бы вы действительно так стояли перед своим физическим телом, что переживали бы восприятия, входящие в него из имагинации, инспирации и интуиции, то вы бы видели сквозь физическое тело, и вы бы переживали такое чувство: я не хочу иметь ничего общего с этим физическим телом, я совершенно не обращаю на него внимания, но я просто, каков я есть, восхожу в духовный мир. Физическое тело стояло бы перед вами как зеркало, не покрытое амальгамой. **Но теперь физическое тело пронизано трупом. Это как зеркальный состав, покрывающий стекло. И потому теперь все, что на него падает, находит свое отражение так, как это наблюдается в восприятии чувств.** Из-за этого возникают восприятия чувств. Постоянный труп, который мы в себе носим, он — зеркальная амальгама всего нашего тела, и благодаря ей мы видим самих себя в физическом мире.

Возьмем другой случай, когда мы не только воспринимаем, но и **думаем**. Когда мы думаем, то это ведь не восприятия чувств. Чувственные восприятия могут подавать повод к мышлению, но настоящее мышление протекает не в восприятиях чувств, оно протекает более внутренне. Когда мы думаем, **то настоящим мышлением мы не производим отпечатков на нашем физическом теле, но производим их на эфирном теле.** Однако опять же, когда мы мыслим, то в нас входит не все то, что заключается в мыслях. Если бы в нас входило все то, что заключается в мыслях, тогда при каждом нашем мышлении **мы бы чувствовали в себе пульсацию живых элементарных существ**, мы бы чувствовали себя внутренне совершенно оживленными. В Мюнхене я однажды сказал: если бы кто-нибудь пережил мысли, каковы они в действительности, то он почувствовал бы себя в мыслях, как в муравьиной куче. Эту жизнь мыслей мы не воспринимаем при нашем мышлении, потому что опять же в наше сознание проникает лишь как бы пена этих мыслей. **В нашем сознании образуются лишь теневые картины мыслей, возникающих в нас как мышление. Напротив того, в наше эфирное тело погружается то, что пронизывает наши мысли в качестве живых сил.** Мы не воспринимаем те живые существа, живые элементарные существа, которые в нас копошатся, но мы воспринимаем в мыслях как бы лишь экстракт, как бы теневые очертания их. То другое, однако, то есть жизнь, она входит в нас и при этом она так проникает нас, что **в нашем эфирном теле опять возникает битва — битва между прогрессивными духами и Ариманом**, ариманическими сущностями. А результатом этой битвы является то, что мысли в нас не так отражаются, как если бы они были живыми существами. Если бы они отражались такими, каковы они в действительности, **то мы бы чувствовали себя в жизни мыслительных существ**, они бы двигались взад и вперед, однако этого мы не воспринимаем, зато наше эфирное тело, которое иначе было бы совершенно прозрачным, делается непрозрачным, мне хотелось бы сказать, что оно становится похожим как бы на дымчатый топаз,

пронизанный темными слоями, в то время как кварц совершенно прозрачен и чист. **Таким образом наше эфирное тело пронизывается духовной темнотой. И то, что при этом пронизывает наше эфирное тело, это — сокровищница наших воспоминаний.** Сокровищница наших воспоминаний возникает благодаря тому, что в нашем эфирном теле, из-за указанных процессов, опять же как бы отражаются мысли, но на этот раз отражаются во времени: они отражаются до того момента, до которого именно мы себя помним в физической жизни. Это — отражение мысли, сохраняемое нами в воспоминании, мысли зеркально-отраженные из времени. Но там, глубоко внизу, в нашем эфирном теле, за памятью, там работают добрые духовно-божественные сущности, противником которых является Ариман, и там они творят, сплачивают те силы, которые опять же могут оживлять то, что в физическом теле умерло вследствие вышеописанных процессов.

Итак, в то время, как в нашем физическом теле образуется труп, который и должен быть образован, потому что иначе в нас было бы стремление одухотвориться со всеми теми недостатками, которые в нас имеются, в это время от эфирного тела исходит нечто вроде живительной силы, так что действительно в будущем может быть сотворено снова в живом виде то, что там было убито. Теперь мы видим, какое значение имеют **«прежде»** и **«потом»**. А именно, если бы мы в нашем непосредственном присутствии изживали имагинацию, инспирацию и интуицию, которые в нас проникают, то мы бы одухотворились, благодаря же тому, что они бросаются Ариманом в будущее время, то в данное время они не проявляются, а сохраняются как зародыши для будущего времени, благодаря этому они снова обретают свою настоящую сущность. То, чем в настоящее время мы бы воспользовались неправильно, в будущем мы можем употребить, чтобы пройдя через врата смерти, сделать себе из духовного мира новую жизнь. То, что нас побудило бы в физической жизни, если бы мы им воспользовались, одухотвориться с нашими недостатками, это дает нам после смерти силы направиться снова в физическую земную жизнь. Такое противоположное действие оказывают вещи в различных мирах.

Так обстоит дело с нашим мышлением. А теперь посмотрим наше **чувствование**, то, что мы носим в себе как внутреннее чувство, как внутреннее ощущение. Да, то что мы носим в виде внутреннего чувства, внутреннего ощущения, это опять же не таково, каковым оно могло бы быть по всей своей внутренней сущности. То, что мы носим в себе в виде чувства, что доходит до нашего сознания в качестве нашего чувства, это опять же, собственно говоря, только теневой образ того, что в нас действительно живет, потому что и тут живет в нашем чувстве духовная сущность. И если вы вспомните то, что я говорил в первой лекции, то вы почувствуете, что **в чувстве живут духовные сущности, которые, собственно, лежат в основе всей планетной системы**, они только не доходят до нашего сознания. Чувство, в таком виде, как мы его знаем, оно доходит до нашего сознания, все же остальное остается вне нашего сознания. Что это, собственно, значит, что остальное остается вне нашего сознания? Трудно на обыкновенном языке найти слова, которые бы точно

характеризовали эти вещи. Мы говорим: **восприятие и мышление порождают в нас нечто, являющееся, собственно, убиванием, при мышлении, впрочем, в виде противодействия, порождается своего рода стремление к оживлению в будущем.** Относительно же чувствования должно сказать, что каждое имеющееся в нас чувство рождается в нас, собственно говоря, не целиком, образуется не всецело. Если бы все, находящееся в нас, когда мы чувствуем, выходило наружу, то живущее в чувстве совершенно иначе схватывало бы, совершенно иначе укрепляло бы то, что стоит за чувством. То, что превращает чувство в живое существо, жизнь которого питается из всей планетной системы, это не выходит непосредственно наружу. Чувство опять является лишь как бы тенью того, что оно собственно из себя представляет. Потому-то, когда хорошо войдешь в мир своих чувств своим человеческим ощущением, то испытываешь при всяком чувстве какую-то неудовлетворенность. Ощущаешь относительно каждого чувства, что оно могло бы быть превышено, что оно могло бы проявиться сильнее. При каждом чувстве мы как бы скрыто (тайно) переживаем, что оно могло бы передать значительно больше, чем в нем находится, что оно скрывает нечто из того, что живет внутри нас, что покоится в глубине души и что выступает наружу, рождаясь лишь наполовину.

И если мы остановим наши размышления на **волеии**, на всем том, что является в нас желанием и волей, то это все, лишь в высшей степени, то же, что и при чувствовании, с той лишь разницей, что **за волей стоит духовная сущность (Grundwesenheit), которая, собственно, живет на Солнце.** Не только то, что живет в планетах, но то, что живет во всем Солнце, это живет также и в воле. Но оно сокрыто. Воля рождается еще в меньшей степени, чем чувство. Воля совершенно иначе пронизала бы нас, если бы все то, что в ней находится, действительно обнаружилось в нашем сознании. Только лишь самая крайняя поверхность воли, только лишь самая поверхностная пена воли находит себе выражение. Все остальное остается для нас сокрытым. Потому что то, что остается для нас сокрытым, было бы для нас непереносимо, если бы мы на него взглянули с физического плана. С физического плана оно имело бы такой вид, что мы захотели бы отстранить его от себя, что мы захотели бы отвернуться от него. **То, что живет в чувствовании и волеии нерожденным, это — образующаяся Карма.** Положим, мы чувствуем неприязненное ощущение, но то, что доходит из этого неприязненного чувства до нашего сознания, это только внешняя игра воли, в них лежат силы, которые распространяются по всей планетной системе. Однако то, что остается для нас сокрытым, оно говорит нам: своим враждебным чувством ты насаждаешь в себе нечто несовершенное, ты должен сгладить это. И в то мгновение, когда из глубины вынырнуло бы то, что живет там внизу, перед нами возникла бы имагинация того, что в нашей Карме должно сгладить враждебное чувство. И мы соединились бы с Люцифером и Ариманом, чтобы отразить это уравнение, потому что мы судили бы с точки зрения физического плана. Но на физическом плане оно остается для нас сокрытым, Страж Порога закрывает это от нас, потому что эти неродившиеся у нашего чувства и нашей воли вещи мы можем понимать

и обсуждать только, когда мы будем в духовном мире между смертью и новым рождением. Там у нас является желание, чтобы враждебное настроение действительно было сглажено, потому что там у нас появляется настоящий интерес к содержанию религии богов, к совершенному идеалу человека, которые должны сделать из нас совершеннейшего человека. И мы знаем тогда, что через противоположное уравнение должно быть сглажено то, что было причинено враждебным настроением. Для будущего времени после смерти должно быть сохранено и может лишь тогда появиться то, что нерождено в нашем чувстве и в нашей воле. **То, что остается нерожденным из нашего чувства, живет в астральном теле. То, что остается нерожденным из нашей воли, живет в нашем "Я".**

Итак, когда мы воспринимаем внешний мир, мы имеем в себе как бы физический фантом трупа, который, собственно, является зеркальной амальгамой для нашего физического тела. Мы имеем, далее, в себе некое включение (einen Einschluss), как бы затемнение эфирного тела. Мы имеем нечто в нашем астральном теле, что остается нерожденным в период между рождением и смертью, и у нас есть нечто из нашей воли, что тоже останется нерожденным во время нашей физической жизни. Эти четыре элемента человек носит в себе, и они пробуждаются во время между смертью и новым рождением. Но они живут в нас как наше душевное ядро, живут с такой же точностью, как зародыш, который заложен для будущего года. Вы видите, таким образом, что мы можем говорить не только вообще о душевном ядре, но можем даже охватить это душевное ядро в его четырехчленности. Если мы, положим, несем в себе ощущение, которое доставляет нам, главным образом, изнутри неприятное чувство, если мы не вполне довольны нашей жизнью, то это происходит оттого, что нерожденная часть ощущений производит давление на осознанную часть ощущений. Как можно удержать это давление? Видите ли, милые друзья, человек находится, собственно говоря, постоянно в опасности испытать это давление, ибо то, что я вам теперь описал, это есть то, что вызывает в нас внутреннюю дисгармонию, поскольку оно относится к чувству и воле, то есть, к тому, что изображает нашу внутреннюю душевную жизнь в смысле первой лекции. Если бы между рожденной и нерожденной, оставшейся за порогом сознания, частью чувства и воли господствовало верное соотношение — **созвучие**, то мы бы проходили по чувственному миру удовлетворенными и здоровыми. В этом и заключается причина наших внутренних неудовлетворенностей. **И если кто-либо испытывает внутреннюю неудовлетворенность, то это происходит от давления подсознательной части чувствования и волеия.** Ко всем этим объяснениям я должен добавить, что в отношении всех этих обстоятельств сущность человека испытала в течение своего развития известное изменение. Так как я описал, дело обстоит, собственно, в наше время. Но так было не всегда. В древние времена, в древнеегипетский, древнеперсидский и древнеиндийские периоды, дело обстояло иначе. Восприятия вливались тогда точно таким же способом, и в них

заклучались имагинации, инспирации и интуиции, но они не оставались без воздействия на человека, как теперь. Они не убивали так всецело внутреннее физическое человека, они не оставляли и такого плотного минерального наслоения, и происходило это от того, что в эти древние времена из чувства и воли вырастало нечто, если извне приходили восприятия при наличии известных обстоятельств.

Если мы, например, возвратимся назад к древним временам египетско-вавилонской культуры и понаблюдаем над людьми того времени, то увидим, что люди воспринимали тогда совершенно иным образом. Они, правда, как и мы, противостояли внешнему чувственному миру, но тело их было еще так организовано, что сокрытые в чувственных восприятиях имагинации не только не оказывали убивающего воздействия, но подступали к человеку с известной жизненностью. И благодаря тому, что они подступали и проникали в человека жизненно, они внутри человека вызывали образ, противоположный тому, который теперь остается для нас совершенно сокрытым в нашем “Я” и в астральном теле. Духовные Сущности Солнца и планетной системы устремлялись изнутри навстречу и некоторым образом отражали то, что оживлялось благодаря имагинации. Таким образом, для человека принадлежавшего к древнеегипетской или вавилонской культуре, бывали времена восприятия, когда, обращая взор на физический мир, он получал не только физическое восприятие, в том виде как воспринимаем мы, но тогда они оживали. Он знал, что за ними стоит нечто, изживающее себя и в имагинациях. Поэтому он и не был еще настолько глуп, чтобы по образцу наших современных физиков, предполагать за восприятиями колебания материальных атомов, напротив того, он знал, что за ними находится жизнь, и из его внутреннего всплывали сияющие картины оживленного звездного неба и даже Солнца.

Особенно сильно это проявлялось в эпоху Персидской культуры, когда действительно при внешнем восприятии вспыхивала точно какая-то внутренняя духовная солнечная сила — **Аура Маздао!** И если мы отойдем в еще более древние времена, то найдем эту совместную деятельность, это движение внутреннего и внешнего навстречу друг другу, выраженными еще гораздо сильнее. В настоящее время это больше не может иметь место, однако может быть известная замена, и тут мы подходим к одному моменту, где мы — я хотел бы сказать, из самого дела — можем прийти к действительному пониманию нашей задачи внутри антропософского мирозерцания. Замена должна быть создана. Мы встречаем внешний мир нашими восприятиями. Мы размышляем над ним, **причем часть этого внешнего мира останется для нас сокрытой, причем действует на нас убивающим и насквозь затемняющим образом, мы, однако, можем оживить то, что убито и насквозь затемнено, при помощи духовной науки.** И как раз, благодаря оживлению того, что иначе убито и насквозь затемнено, возникает эта наука, которая выражена в тайноведении: в постепенном развитии через состояния Сатурна, Солнца и Луны. Это знание о развитии Сатурна, Солнца и Луны есть у каждого человека, оно только находится в подосновах его сознания.

Он не захотел бы быть земным человеком, если бы так без дальнейшего, без достаточной подготовки, мог бы это видеть, он хотел бы тогда, чтобы Земля совершенно не касалась его и чтобы он мог закончить лунным развитием. Все то, что мы можем познать, благодаря духовной науке, все это нам освещает то, что нам остается сокрытым из развития прошедшего времени, ибо все живущее извне в чувственных восприятиях в виде имагинаций, инспираций и интуиций, не проникающее внутрь, это, собственно, — если смотреть на него через покров чувственных восприятий — то, что мы проделали в отношении прошедшего. Иначе дело обстоит с тем, что заключается в нашем чувствовании и волеии. Видите ли, мои милые друзья, человек может сказать — и многие современные люди испытывают потребность это делать — он может сказать: о, что мне за дело до всех этих выдумок об этом сверхчувственном мире, таких представлений я не принимаю. Кто так говорит, тот никогда не задумывался над тем, почему, собственно, в мировом развитии появилась религия. Общее всех религиозных представлений в том и заключается, что они относятся к таким вещам, которые человек не может чувственно воспринимать, что при религиозных представлениях человек должен наполниться чем-то таким, что он не может воспринимать чувственно.

Те представления, которые происходят от наших чувственных восприятий, никогда не могут являться импульсом и после смерти. Для того чтобы нерожденная часть нашего чувства, нашей воли могла оказывать действие и после смерти, нам необходимы не те представления, которые мы в состоянии получить при помощи наших чувственных ощущений, или при помощи нашего рассудка, который связан с мозгом. Они нам не помогут в этом деле. **Только те представления, которые отвечают тому, что не имеет внешней действительности, единственно те представления, которые делают нас НАБОЖНЫМИ, благодаря которым мы обращаемся вверх к духовному миру — только они дают нам тот импульс, тот размах, которые нам необходимы после смерти. Иметь религиозные представления — значит представлять себе то, что сейчас еще не может оказывать на нас действие, что, однако, может быть действительной силой после смерти.** Приходится теперь поэтому постоянно повторять: то, что прошло, освещается ясновидческим сознанием. Сейчас оно опять познается, познается так, и постольку, поскольку оно находится за покровом чувственного мира в виде имагинации, инспирации и интуиции. Прежде оно давалось людям в виде религиозной веры, для того, чтобы люди не теряли размаха на время после смерти, для того, чтобы они сохраняли нечто в сердечном ядре, что делало бы сердце живым, когда человек слагает физическое тело. Теперь наступило время, когда люди, исходя из понимания, из понимания духоведения, могут составить себе представления о сверхчувственных мирах. Поэтому необходимо постоянно подчеркивать: только в качестве духовного исследователя можно познать эти вещи в сверхчувственном мире, когда они, однако, исследованы и когда они сообщаются, то в самой глубине нашей души проявляется нечто, являющееся тайным языком этой души, которая может понять то,

что исследовано духовным исследователем. Только если в дело вмешиваются предрассудки разума и чувств, тогда бессмыслицей, глупостью и фантазиями начинает считаться то, что, исходя из духовного искательства, дается нам в виде сверхчувственных представлений и что, будучи воспринято, дает размах нашему душевному ядру, чтобы во все будущие времена оно могло найти дорогу в космосе.

Исследовать содержание духовного мира будут всегда только те, кто прошел через эзотерическое развитие. Знать это содержание, внутренне сознательно прорабатывать его, владеть им в идеях и понятиях, владеть им параллельно с уверенностью в бытии души, духовного мира — в этом будет все больше выражаться потребность людей в необходимой духовной пище. Все это нам показывает, как из самих вещей мы можем научиться понимать миссию нашего антропософского движения. В древние времена дело обстояло еще так, что познание оживлялось сверху, а содержание этого познания исходило снизу. Поэтому древние имели непосредственное сознание духовных миров, постепенно, однако, оно все более и более затемнялось и притуплялось. Если бы оно не затемнялось и не притуплялось, то человек не пришел бы к полному сознанию своего “Я”. К полному сознанию своего “Я” человек может прийти только благодаря тому, что он разовьет внутри своего физического тела до высшей степени тот мертвый фантом, о котором я говорил. Наше физическое тело должно быть, так сказать, как прозрачная сущность, всецело покрыто зеркальной амальгамой, и лишь когда оно будет всецело покрыто, мы будем себя чувствовать так, что скажем: **«“Я” есмь “Я”» (Ich bin Ich)**. Это полное покрытие образовалось, однако, только медленно и постепенно, оно образовалось в течение человеческого развития и было закончено в то время, когда произошла Мистерия Голгофы. Тогда зеркальное покрытие было готово. До тех пор все еще встречались нижнее и верхнее, в человеческом существе сходились нижнее и верхнее. Однако необходимо сказать: совершенное разделение верхнего и нижнего благодаря тому, что зеркальное покрытие было закончено, наступило лишь тогда, когда подошла Мистерия Голгофы. Что же, собственно, тогда произошло? Да, посмотрим внимательно на то, что тогда произошло. Представьте себе хорошенько этих древних людей во времена перед Мистерией Голгофы, представьте себе сознание того времени. Тогда извне поступало оживление имажинацией, изнутри поднимались картины внечеловеческого духовного мира. Что это были за картины, которые поднимались в человеке? Как нам известно, в древние времена это было возможно при пониженном состоянии человеческого сознания. Те, которые обладали знанием этих вещей, которые в древние времена могли в качестве посвященных взирать на эту человеческую душу, как в ней жило это сочетание оживленной имажинации извне и созерцания изнутри, те не говорили: «человек видит это один», но они говорили: «Свой мир в человеке видят, например, Яхве или Иегова», так говорилось у древних евреев. «Бог думает в человеке». Как в настоящее время, в нашем цикле развития мы говорим, когда нам приходят мысли: «Я думаю», так в древние времена знающие эти вещи говорили, когда возникали восприятия из духовного мира: **«Боги думают в нас»...** или когда было

познано единство божественного в монотеизме: «Яхве думает в человеке, человек есть поприще божественных мыслей». Люди чувствовали себя наполненными, так что они говорили: **«Во мне думают боги»**.

Но в человеческом развитии лежала необходимость, чтобы это становилось все более и более невозможным, чтобы в человеческой природе созерцаниям и мыслям богов выступало навстречу все больше и больше тьмы. Внутренний мертвый фантом становился все значительнее и значительнее. Подступало время, когда из человеческой природы навстречу богам больше не выступало никаких мыслей. Тогда та Божественная Сущность, о которой можно сказать, что она думает через посредство человеческой сущности, она почувствовала, что ее сознание (потому что это сознание заключалось ведь в ее мыслях) становится все более глухим и тупым. И в этой Божественной Сущности возникло стремление возбудить новую форму сознания.

Люди приходят к другой форме сознания, боги, творя новое сознание, творят этим нечто существенное. И это существенное, которое тогда возникло для них, оно для этой Божественной Сущности, которая чувствовала, что ее сознание притупляется, оно было — **Христос**, и Христос является дитятей Божества, которое восстанавливает сознание Божества в человеческой деятельности. Так в человеческое существо должна была вклиниться Сущность Христа. И мы должны воспринять сознание: «Да, это так, воспринимая чувственный мир, мы непрестанно вливаем в себя умирание, и тьму и затемнение вливаем мы в себя, думая об этом мире, и нерожденное образуем мы, чувствуя и желая — все это находится внизу, в подосновах нашего сознания, туда мы даем стекаться нашему умиранию и нашему еще нерожденному, которым мы можем пользоваться лишь тогда, когда будем умершими. Оно оставалось бы, однако, парализованным, если бы мы не погрузили его в ту Сущность, Которую Божество родило как Сущность нового Сознания, — если бы мы не могли погрузить его в Сущность Христа. Мы можем иметь сознание, познавая смысл всей эволюции при помощи духовного знания. Да, мы посылаем туда вниз, — в подсознательные глубины, — то что в нас умирает, но воспринимается оно, это умирание, которое мы все больше и больше погружаем в наше собственное существо, воспринимается оно оживляющимся нам навстречу Христом. **В том, что в нас умирает, что в нас затемняется, остается нерожденным, оживляется в нас Христос**. Мы даем в себе умереть тому, что должно умереть, для того чтобы мы могли приблизиться к действительному человеческому идеалу со всеми его задатками. Однако, **то, что мы вливаем в себя как умирание, это мы вливаем в Сущность Христа, которая со времени основания христианства пронизывает человеческую эволюцию, и то, что в нас остается нерожденным, наше чувство и воление, мы знаем, что оно воспринимается субстанцией Христа, в которую оно погружается после смерти**. В этом в нас живет Христос, после того, как Он прошел через Мистерию Голгофы. В Христа мы погружаем умирание, которое заключается в каждом восприятии, и в Сущность Христа мы погружаем затемнение в мышлении. В свет, в духовный солнечный свет Христа мы посылаем наши

затемненные мысли. И когда мы проходим через врата смерти, тогда наши нерожденные чувства и наша нерожденная воля погружаются в субстанцию Христа. И если мы верно понимаем развитие, то мы говорим:

МЫ УМИРАЕМ ВО ХРИСТЕ — IN CHRISTO MORIMUR

Четвертая лекция

Вена, 12 апреля 1914 г

Я уже часто говорил, что человек, желающий узнать, желающий научиться познавать духовные миры, должен во многих отношениях приобрести понятия и представления, которые совершенно не вытекают из переживаний и опыта, получаемых на физическом плане. Если человечество будет их все более и более усваивать, то они будут иметь бесконечную важность, все возрастающую важность также и для жизни на физическом плане.

Сегодня мы прежде всего уясним себе разницу между одним переживанием в духовном мире и переживанием на физическом плане, разницу, которая, подходя впервые к нашей душе, должна нас в высшей степени поразить, показаться странной, так что с большой легкостью мы можем думать, что понимание таких вещей для нас является весьма сложным. Чем больше мы, однако, будем вживаться в духовную науку, тем более будем мы видеть, что такие вещи становятся нам все понятнее и понятнее.

Когда мы проходим по физическому плану, отдаемся воздействию физического плана, то одно обстоятельство, если мы над ним подумаем, должно особенно обратить на себя наше внимание. Это то, что на физическом плане мы имеем перед собой то, что мы называем **реальностью**, что мы называем существованием, бытием. Хотелось бы сказать: чем менее духовным является человек, тем более он базируется на то, что он имеет перед собой на физическом плане в виде навязывающейся реальности. Иначе дело обстоит с тем, что мы хотим себе присвоить на физическом плане в виде знания, познания действительности. Мы должны, прежде всего с детства, быть воспитаны в том направлении, чтобы развивать способность для приобретения знания, познания физического плана, и мы должны затем все дальше и дальше работать в этом направлении. Приобретение познаний предполагает предварительную **духовную работу**. Природа, то есть, внешняя действительность, не дает сама по себе то, что в ней имеется мудрого, что в ней имеется закономерного. Мы должны приобрести знание этой мудрости, этой закономерности. И в этом ведь и заключается всякое человеческое стремление к знанию — из пассивно получаемых

переживаний и опытных данных приобретать себе активно то, что в вещах имеется мудрого и закономерного. Совершенно иными являются вещи, если направляешься в духовный мир или путем ведущих к духовным исследованиям упражнений, или проходом, ведущим через врата смерти.

Отношение человека к окружающему духовному миру, правда, не всегда таково, как я сейчас опишу, но в наиболее важные моменты, при наиболее важных переживаниях оно таково. Удивительным является то, мои милые друзья, что мудрости человек имеет в духовном мире достаточно. **Можно быть в чувственном мире глупцом, а в духовном мире, лишь только просто в него переходишь, мудрость прямо к нам притекает.** Мудрость, которую мы в физическом мире приобретаем с трудом, которую мы должны изо дня в день завоевывать, если желаем ее иметь, **ее мы имеем в духовном мире так, как в физическом мире имеем вокруг себя природу.** Она всегда вокруг нас, она вокруг нас в изобилии. Мы можем до известной степени сказать: **чем меньше мудрости мы приобрели на физическом плане, тем богаче притекает к нам мудрость на духовном плане.** Однако, по отношению к этой мудрости на духовном плане мы имеем перед собой идеал человечества — содержание религии богов, то, что мы должны прорабатывать по направлению к нему. Этого мы не можем достигнуть, если не будем в состоянии на духовном плане так применять свое воление, волящее чувство, воление и чувство, чтобы притекающую к нам непрерывно мудрость, которая там такова, как явления природы на физическом плане, чтобы эту мудрость постоянно умалить, уменьшать, непрерывно от нее нечто брать. Необходимо иметь эту способность всегда все больше и больше брать от этой мудрости, которую мы там встречаем. Здесь на физическом плане мы должны становиться все мудрее и мудрее, там же мы должны стараться так применять наше воление, наше чувство, **чтобы все больше брать от этой мудрости, уменьшать ее,** потому что чем меньше мы там можем брать от нее, тем меньше у нас будет и сил, чтобы, проникаясь там этими силами, постепенно, как реальные существа, приближаться к идеалу человечества. И это приближение должно состоять в том, что мы все больше будем брать от этой мудрости. То, что мы берем от нее, это мы можем превратить в самих себя так, что **превращенная мудрость является жизненными силами, толкающими нас по направлению к человеческому идеалу.** И эти жизненные силы мы должны приобрести себе именно в это время — между смертью и новым рождением. **Мы идем навстречу новому воплощению правильным образом, только благодаря тому, что превращаем в жизненные силы богато притекающую к нам мудрость.** И когда мы снова приходим на Землю, мы должны иметь столько превращенной в жизненные силы мудрости, мы должны быть в состоянии настолько умалить мудрость и обладать настолько достаточным количеством жизненных сил, чтобы получаемую от отца и матери наследственную субстанцию пронизать вполне организованными духовными жизненными силами. Мы должны, таким образом, брать там все больше и больше от этой мудрости.

Видите ли, мои милые друзья, если после смерти встречаешь настоящего материалиста, который на физическом плане совершенно не признает реальности за духом, который в своей жизни говорил: «Это ведь все, все одна глупость, что вы говорите о духе, ваша мудрость есть чистейшее фантазерство, я ее совершенно отмечаю от себя, я придаю значение только описанию того, что является внешней природой»... Если такого человека встретишь после смерти, то увидишь, что к нему мудрость притекает в таком изобилии, что он совершенно не может от нее спастись. Дух течет к нему отовсюду. И в такой же степени, в какой он на Земле не верит в дух, в такой степени он там повсюду окружен течениями духа. Тогда перед ним возникает задача **превратить эту мудрость в жизненные силы, чтобы иметь возможность создать физическую реальность в ближайшей инкарнации**. Он должен то, что называл реальностью, образовать из этой мудрости, он должен умалить эту мудрость. Однако, она не желает дать ему умалить себя, она остается такой, какой она есть. Ему никак не удастся сделать из нее реальность. Он испытывает чудовищное наказание духа: в то время как в последней своей жизни он признавал реальность только на физическом плане, в последней жизни он совершенно отрицал дух, здесь он прямо-таки не может спастись от духа и, вместе с тем, ничего не может реализовать от этого духа. И ему все время угрожает опасность, что он совершенно больше не сможет войти в физический мир с помощью тех сил, которые сам создал. Он живет в непрестанном страхе, что дух втиснет его в физический мир и что он будет иметь физическое существо, которое будет отрицать все то, что он признавал за истинное в прошедшей жизни. «Я принужден буду допустить, чтобы дух протолкнул меня в физический мир, сам я своими силами не буду в состоянии достигнуть реальности». В этом, конечно, есть нечто поразительное, но это так. Для того, чтобы после смерти, так сказать, задохнуться в духе, **и не найти в нем никакой такой реальности**, какую единственно признавал перед смертью, для этого настоящим средством является — быть перед смертью материалистом и отрицать дух. Тогда захлебнешься, задохнешься в духе. Все это такие представления, которые мы все больше и больше должны усваивать в течение наших занятий духовной наукой, потому что если мы приобретем такие представления, то они будут вести нас гармоническим образом дальше и в физической жизни и будут нам некоторым образом показывать, как обе стороны жизни дополняют и уравнивают друг друга. Мы обосновываем в себе инстинкт к проведению этого уравнивания в ходе нашей жизни.

Я бы хотел привести еще случай о связи физической жизни в духовной. Возьмем совершенно конкретный, отдельный случай. Предположим, что мы на физическом плане кому-то **СОЛГАЛИ**. Это случается, положим, в какой-нибудь определенный момент. То, что я сейчас опишу, как отвечающее этому в духовном мире, приходится также на определенный момент между смертью и новым рождением. Итак, предположим, что мы кому-нибудь в какой-нибудь определенный момент солгали на физическом плане. Тогда в духовном мире, войдем ли мы в него путем посвящения или путем смерти, наступает момент, когда наша душа в духовном мире

совершенно наполняется той истиной, которую мы должны были бы сказать. Но эта истина мучает нас, она стоит перед нами и мучает нас настолько, насколько мы отошли от нее, когда солгали. И наше страдание состоит в том, что мы усматриваем: вот это — **истина**. Но эта истина не доставляет нам наслаждения, радости и удовольствия, она мучает нас. **Получать мучение от хороших вещей, о которых знаешь, что они должны были бы возвышать нас, — это одна из особенностей переживаний в духовном мире.**

Достаточно, например, хотя бы однажды в жизни испытать при каком-то деле, требовавшем от нас прилежания как долга, испытать **ЛЕНЬ**, чтобы в духовном мире наступило время, когда нехватившее нам тогда прилежание ожило бы в нас. Оно придет наверняка: если мы были ленивы на физическом плане, наступит время, когда мы, в силу внутренней необходимости, безусловно, принуждены будем пользоваться этим прилежанием. Мы совершенно отдаемся этому прилежанию, и мы знаем, что оно представляет собой нечто чрезвычайно ценное, оно, однако, мучает нас, мы страдаем от него.

Возьмем случай, в меньшей степени зависящий от произвола человека, лежащий в других процессах жизни, связанный скорее с подосновами бытия и с течением нашей Кармы, случай, когда мы в физической жизни перенесли какую-то **БОЛЕЗНЬ**. Если в физической жизни мы перенесли какую-нибудь болезнь, то в духовном мире, в какой-то момент времени мы переживаем противоположное настроение — противоположное ощущение — **ЗДОРОВЬЯ**, здорового состояния. И поскольку болезнь нас ослабила, постольку укрепляет нас это настроение здорового состояния во время нашего пребывания в духовном мире. Это такой случай, который, может быть, не только как другие случаи планирует наш разум, но проникает гораздо глубже в ощущения нашей души, расстраивает нашу душу. Мы ведь знаем, что духоведческие вещи воспринимаются всегда при помощи ощущения. Здесь, однако, мы должны принять во внимание следующее. Мы должны уяснить себе, что здесь лежит как бы тень над той связью, которая имеется между физической болезнью и укрепляющим нас здоровьем в духовном мире. Связь эта истинная, но в человеческой груди живет нечто, что по чувству не может согласиться с этой связью. Эта связь имеет зато еще и другое действие, если только она действительно нами охватывается. И это действие можно охарактеризовать следующим образом.

Предположим, что человек проникается духовной наукой, что человек серьезно старается действительно воспринять духовную науку, не так, как воспринимают всякую другую науку. Другую науку можно изучать теоретически, можно приобретать то, что она дает, просто в мыслях, в понятиях. Духоведение никогда не следует воспринимать только таким образом. Оно должно стать в нас как бы духовной кровью. Духоведение должно в нас жить и работать, каждым понятием, которое духоведение нам дает, оно должно вызывать в нас также ощущения и чувства. Для человека, который внимает духоведению надлежащим образом, в нем нет, собственно, ничего, что бы нас, с одной стороны, не возвышало, а, с другой стороны, не давало бы возможности глядеть в глубины бытия,

чтобы мы могли в этих глубинах ориентироваться. Тот, кто правильно понимает духоведение, следует тому, что оно говорит тем или другим его чувствам. Воспринимающий духоведение, уже только из-за того, что в нем живут духоведческие понятия, приобретает те навыки представлений, которые указаны как необходимые в отношении духовной науки, он действительно преобразует свою душу уже в физическом мире. Я ведь часто указывал на то, что **к лучшим, наиболее проникновенным упражнениям принадлежит само изучение, серьезное изучение духоведения.** И вот у человека, который так проникает в духоведение, проявляется нечто своеобразное. Такой человек, который, делает упражнения, или, может быть, делает упражнения не для того, чтобы самому стать духовным исследователем, а потому что серьезно старается понять духовную науку, такой человек, может быть, долго-долго не сможет даже думать о том, что бы самому стать ясновидцем. Когда-нибудь он будет в состоянии видеть, но это, может быть, будет еще далеким идеалом для него. **Кто, однако, даст духоведению воздействовать на свою душу указанным образом, тот увидит, что в душе его изменяются жизненные инстинкты, точнее бессознательные побуждения жизни. Душа его становится поистине иною.** Еще никто не занимался духоведением без того, чтобы это духоведение не воздействовало инстинктивно на его душу, не делало ее иною, не давало ей иных симпатий и антипатий, не пронизывало ее как бы светом, так, чтобы она чувствовала с большей точностью, чем она чувствовала до того. Это можно заметить везде. Во всех областях жизни духоведение проявляется описанным образом. Если вы были неловким человеком и стали изучающим духоведение, то скоро заметите, что, не делая ничего иного, кроме пронизания себя этим духоведением, вы становитесь ловчее, вплоть до кистей рук. Не говорите: «Я знаю очень неловких людей, занимающихся духоведением, они далеко еще не стали ловкими». Попробуйте поразмыслить над тем, насколько они все же еще не так, как это требовалось их Кармой, действительно внутренне прониклись духоведением. Если ты художник и до известной степени владеешь искусством живописи, если становишься духоведом, то увидишь, что все только что указанное втекает в инстинктивное умение владеть этим искусством. Смешиваешь краски с большей легкостью, идеи, к которым стремился, приходят скорее в голову. Или, положим, ты ученый, делающий какую-то научную работу. Многие, бывшие в таком положении, знают, сколько подчас стоит труда собрать литературу, чтобы разрешить тот или иной вопрос. Когда же становишься духоведом, то больше не ходишь, как прежде, в библиотеки и не требуешь пятьдесят книг, которые не приносят никакой пользы, а непосредственно берешь надлежащее. Духоведение поистине врывается в жизнь, изменяет инстинкты, дает нашей душе побудительные стремления, придающие нам в жизни больше ловкости.

То, что я теперь скажу, необходимо рассматривать в связи с человеческой Кармой. Карме человек подчинен при всех обстоятельствах, это надо всегда принимать во внимание. Принимая во внимание Карму, необходимо заметить следующее: допустим, что определенная болезнь

поразила того, кто описанным образом проник в духоведение, и Карма его такая, что он может быть исцелен. Карма может быть, конечно, и такой, что болезнь не может быть исцелена, однако никогда Карма не говорит так, что болезнь во всех случаях должна фаталистически принять какое-либо течение: она может быть излечена или не может быть излечена. **Тот человек, кто проникся духоведением, вкореняет в свою душу инстинкт, который ему поможет из себя самого противопоставлять болезни и ее слабостям соответствующее укрепляющее.** Последствия болезни, переживаемые в духовном мире, действуют обратно на душу. Пока человек еще находится в физическом теле, они действуют как инстинкты. Тогда они или предотвращают болезни, или находят в себе пути к целительным силам. Если ясновидческое сознание находит верные целительные факторы для той или иной болезни, то это происходит так: такой ясновидящий имеет возможность видеть картину болезни перед собой. Итак, допустим, что он имеет перед собой картину — вот болезнь: таким-то и таким-то образом она ослабляюще подходит к человеку. Благодаря тому, что данное лицо обладает ясновидческим сознанием, перед ним, как противоположная картина, выступает другое: соответственное здоровое настроение и то укрепление, которое истекает из этого настроения. Ясновидящий видит то, что на человека, бывшего больным в физическом мире, нисходит в виде уравнения в духовном мире. И исходя из этого, он может давать советы. Не надо даже быть вполне развитым ясновидящим, это может возникать инстинктивно из созерцания картины болезни. Вызывающее в ясновидческом сознании то, что возникает как уравнение в духовном мире, относится к картине болезни как качание маятника вверх, с одной стороны, к качанию вниз с другой стороны. Из этого примера вы видите, каково отношение физического плана к духовному миру, и насколько плодотворно может быть для направления жизни на физическом плане знание и познание духовного мира.

Вернемся к тому, что было сегодня приведено в качестве первого конкретного примера, а именно, что подобно природе на физическом плане, духовное, полное мудрости духовное, окружает нас в духовном мире, что оно всегда тут. Если вы это еще раз как следует поймете, то на процессы в духовном мире упадет свет, который является чрезвычайно важным. В физическом мире мы можем так проходить мимо вещей, что созерцая эти вещи говорим: в чем заключается сущность этой вещи? как обстоит дело с этой вещью? на каком законе покоится существо, сущность этой вещи, этого процесса? Или же мы тупо проходим мимо и вообще ничего не спрашиваем. **Мы никогда не выучим на физическом плане ничего разумного, если самими вещами не будем побуждаемы ставить познавательные вопросы, если сами вещи не будут нам задавать загадки, так чтобы эти загадки возникали в нас самих.**

Простое созерцание вещей и процессов на физическом плане никогда не в состоянии будет привести нас к ведущей самое себя душе. На духовном плане это опять же иначе. **На физическом плане мы ставим вопросы вещам и процессам, и мы должны стараться так исследовать вещи, чтобы выяснить, как бы нам можно было**

получить ответы на поставленные вопросы из самих вещей. Мы должны исследовать вещи. На духовном плане положение таково, что вещи и сущности вокруг нас духовны, и вещи, они спрашивают нас, не мы спрашиваем вещи, вещи спрашивают нас, они стоят тут — процессы и сущности, а мы стоим против них и непрерывно вопрошаемы ими. И мы должны иметь возможность из бесконечного моря мудрости вырвать то, что может ответить на вопросы, которые нам там ставятся. Мы должны **не из вещей и процессов** извлекать ответы, **а из нас самих**, потому что вещи вопрошают нас, повсюду вокруг нас вопрошающие вещи. При этом необходимо принять во внимание еще следующее: допустим, что мы стоим перед каким-то процессом или существом духовного мира, мы не можем выступить перед ним без того, чтобы они не задавали нам вопросов. Допустим, что они ставят нам вопрос. Мы стоим со всей нашей мудростью, но не находим возможности развить такое воление, чувствующее воление, волящее чувство, чтобы, исходя из этой мудрости, дать ответ, несмотря на то, что мы знаем: ответы находятся в нас. Наше внутреннее — бесконечной глубины, все ответы в нас, но мы не находим возможности действительно дать ответ. И следствием этого является то, что мы вихрем проносимся в потоке времен и пропускаем возможность, а именно надлежащий момент, чтобы дать ответ, потому что мы, **может быть в силу предшествовавшего нашего развития, не приобрели способности быть настолько зрелыми, чтобы отвечать на этот вопрос уже в данный момент.** Мы слишком медленно развились по отношению к тому ответу, который могли бы дать, мы могли бы дать ответ лишь позднее. Случай, однако, не возвращается, мы пропустили его. Мы не использовали всех возможностей. Так мы проходим мимо вещей и процессов, не давая им ответа. Такие переживания мы имеем непрерывно в духовном мире. Таким образом происходит, что мы в жизни между смертью и новым рождением стоим перед существом, которое нас спрашивает. Нашими земными и лежащими между ними духовными жизнями мы не достигли того, чтобы теперь, когда оно нас спрашивает, дать ответ. Мы должны нестись мимо, должны входить в новое воплощение. **И следствием этого является, что мы снова, только благодаря добрым богам, без нашего сознания, получаем в следующем земном воплощении импульсы, для того чтобы в следующий раз опять не пройти мимо тех же вопросов.** В такой связи стоят вещи.

Я часто упоминал, что чем дальше мы идем назад вглубь времен в человеческом развитии, тем больше мы замечаем, что люди не имели теперешнего духовного строения, но обладали на физическом плане своего рода ясновидением, из глухого, сновидческого ясновидения развилось наше теперешнее видение вещей. И чем больше мы находим людей, которые еще стоят на примитивных, элементарных ступенях душевного развития, тем родственнее мы находим их мышление и чувство первонаачальному ясновидению. Хотя действительное ясновидение — я говорю про примитивное, атавистическое ясновидение — становится все более и более редким, все же, однако, в глухих селах часто

находят людей, кое-что сохранивших из старых времен, так что можно встретить отголоски времен прежнего ясновидения. Это ясновидение, хотя и в глухой ясновидческой форме, но показывает нам, — так как оно ведь является прозрением в духовные миры, — своеобразные особенности, которые опять же выступают перед нами при развитом ясновидении. Только последнее является нам не в глухом (смутном), ясновидческом, а в ясном и отчетливом виде. **Духовная наука показывает нам, что человек, каковым он является в современном нам периоде времени, когда он проходит в жизни между смертью и новым рождением, постоянно (и чем дальше тем больше) должен в надлежащий момент давать ответ вопрошающим сущностям, потому что от того, сможет ли он дать ответ, зависит дальнейшее его верное развитие, его приближение к идеалу совершенного человека Богов.** Как сказано, люди прежде пережили это подобное сновидению состояние, и остаток этого сохранился в многочисленных, подобных сказкам или сказаниям, мотивах. Их становится все меньше и меньше в народе. Эти, подобные сказкам мотивы рассказывают нам приблизительно следующее: некто встречается с духовным существом, оно задает ему ряд вопросов, а он должен отвечать, у него при этом сознание, что он должен дать ответ до того, как в определенный момент прозвучит колокол. Вот этот мотив, который можно было бы назвать мотивом вопросов, чрезвычайно распространен в сказках и сказаниях. В прежнем сновидческом ясновидении оно было тем же, что и теперь опять выступает в духовном мире в той форме, как я описал. Вообще надо сказать, что характеризующее духовный мир может всегда служить чудесной путеводной нитью для того, чтобы верно понимать мифы, сказания, сказки и т.п. и ставить их на то место, которое им принадлежит.

Мы видим, что дело касается чего-то совершенно определенного в вопросе об условиях в духовном мире. В духовном мире дело не в том, чтобы собирать познания, сведения, как здесь на физическом плане: дело в том, чтобы даже умалять, уменьшать эти познания, для того, чтобы превращать познавательную силу в жизненную силу. В духовном мире нельзя быть исследователем в том смысле, как им можно быть в физическом мире, там это было бы весьма неуместно. Потому что знать там можно все: там все находится вокруг нас. Дело там заключается в том, чтобы можно было, имея перед собой знание, имея перед собой познание, развивать волю и ощущение, **чтобы можно было в отдельных случаях из всей сокровищницы своего воления выявить именно то, благодаря чему можно было бы использовать мудрость, потому что иначе можно задохнуться, задохнуться в мудрости.** Таким образом, если здесь в физическом мире дело заключается в мышлении, там, в духовном мире дело в соответствующей выработке воли, ощущающей воли, той воли, которую, исходя из мудрости, подготавливает реальность, формирует ее, той воли, которая становится творческой силой, своего рода создающей силой. Дух мы имеем там, как здесь природу: привести Дух к природе — это наша задача.

Прекрасное изречение сохранилось в теософской литературе первой половины 19-го столетия от **Оттингера**, который жил в Вюртемберге и был настолько продвинут в своем духовном развитии, что по временам мог совершенно сознательно являться помощником духовным существам, то есть душам, не находящимся на физическом плане. Он отчеканил замечательное изречение, которое чрезвычайно красиво и чрезвычайно верно: **«Природа и образ природы являются концом духовной творческой силы»** То, что я теперь сам выработал из духовного мира, это заключается в этом изречении. В духовном мире творческая сила стремится к тому, чтобы то, что кипит и вздымается в премудрости, поднять к реальности. **Как здесь извлекают из физической реальности мудрость, так там это делают наоборот. Там задача состоит в том, чтобы из мудрости создать реальность, изжить в реальности то, что там заключается в мудрости.** Концом божественных путей является оформленная действительность.

Мы видим, таким образом, что дело заключается в пронизанном волей чувствовании, в пронизанной чувством воле, которые превращаются в созидательную силу, в творческую силу, которую мы там, в духовном мире, должны применять так, как мы здесь в физическом мире должны напрягать усилия в нашем исследовательском мышлении, чтобы прийти к мудрости в физическом мире.

Вопрос заключается в том, чтобы для этой возможности в духовном мире мы правильно развивали наше чувствование и мышление, чтобы мы к этому уже здесь, на физическом плане, подготавливались таким образом, какой является правильным для современного периода времени, потому что все происходящее в духовном мире между смертью и новым рождением является следствием того, что совершается в физическом мире между рождением и смертью. Правда, духовный мир настолько отличен от нашего, что мы должны приобретать себе совершенно новые представления и понятия, если хотим его понять, однако все же: как причина и следствие они связывают друг друга. Только тогда мы понимаем связь между духовным и физическим, если мы действительно познаем их как связь между причиной и действием. Подготавливаться мы должны в физическом мире, и потому мне хотелось бы теперь немного остановиться на вопросе: как нам подготавливаться в современном периоде надлежащим образом на физическом плане, чтобы иметь достаточно внутренних импульсов в духовном мире — войдем ли мы в него путем посвящения или через врата смерти, — чтобы действительно обладать духовной ударной силой для извлечения из мудрости того, что нам необходимо, чтобы извлекать реальность из струящейся, волнуемой мудрости? Откуда взять нам эту силу? И всегда вопрос заключается в том, чтобы мы в наш период времени отвечали на эти вещи. В те времена, когда люди создавали, первые, самые изначальные источники, так называемых, мотивов сказаний, тогда было иначе.

Откуда притекает к нам, однако, такая душевная сила в современном периоде времени? Чтобы подойти к ответу я бы хотел указать следующее: можно проследить различные философии и у отдельных философов проследить тот способ, каким они приходят к понятию Бога. Ясно, что,

найдутся такие философы, обладающие достаточной глубиной, чтобы убедиться из самого мира, что можно говорить о пронизывающем мир Божественном. В 19-м веке достаточно взять хотя бы только *Лотце*, который в своей религиозной философии старался создать нечто, стоящее в полном созвучии с остальной его философией. Но можно было бы взять и других философов, которые тоже были достаточно глубоки, чтобы иметь религиозную философию. Одну особенность можно отыскать у всех этих философов, одну определенную особенность. Эти философы, мысля, проникают своими соображениями с физического плана к Божественному, они думают, исследуют философским способом и приходят к тому — как мы это именно видим у Лотце, — что явления и сущности мира связаны воедино божественным основанием, которое все насквозь пронизывает и все приводит в известную гармонию. Если, однако, ближе подойти к таким религиозным философам, то можно заметить, что все они имеют всегда одну особенность. Они именно приходят к одной Божественной Сущности, Которая все пропитывает и пронизывает, и когда приглядишься к этой Божественной Сущности, к этому Богу философов, то приходишь к заключению, что Он приблизительно тот Бог, Которого, скажем, еврейская или, главным образом, христианская религия, называет **БОГОМ ОТЦОМ**. К этому может прийти философия, она может созерцать природу и быть достаточно глубокой, чтобы не отрицать пустоголовым материалистическим образом все божественное, она может прийти к божественному, приходит, однако, тогда к Богу Отцу. Если проследить философов, то можно совершенно точно показать, что простая философия, как мыслящая философия, ни к чему иному вообще не может привести, как только к монотеистическому Богу Отцу. Если у отдельных философов, например у Гегеля и других, выступает Христос, то Он исходит не из философии — это можно доказать — Он перешел из позитивной религии. Они знали, что позитивная религия имеет Христа, и они могли говорить о Нем. **Разница в том, что Бога Отца можно найти в философии, Христа никакая философия не дает возможности найти путем мыслительных созерцаний.** Это совершенно невозможно. Это положение я советовал бы вам хорошенько взвесить и много над ним поразмыслить, и если его хорошенько понять, то оно ведет к чрезвычайно значительной глубине человеческих исканий и душевных стремлений. Оно, однако, конечно стоит в связи кое с чем, что в христианской религии находит даже весьма красиво-символическое, картинное выражение. А именно, благодаря тому, что отношение этого другого Бога, Христа, к Богу Отцу принимается как отношение Сына к Отцу, это весьма значительно, хотя это лишь символ. И интересно то, что Лотце, например, ничего не может с этим сделать. Что этот символ не может быть принят дословно, само собой разумеется, говорит Лотце: потому что, — думает он, — один Бог не может быть Сыном другого Бога. Но в этом символе заключается нечто весьма показательное. **Между Отцом и Сыном существует нечто в роде отношения причины к следствию**, потому что в Отце нужно искать причину Сына. Сына не было бы, если бы не было Отца — причина и следствие. Но человек, который потенциально может иметь сына, имеет также, конечно,

возможность и не иметь сына, он может быть бессыновным. Он остался бы при этом тем же человеком. Причиной является человек «А», следствием — человек «В» — сын. Однако, действие есть свободный поступок, действие вытекает из причины как свободный поступок. Поэтому необходимо, когда изучают причину и ставят ее в связь с действием, интересоваться не только существом причины: потому что этим еще ничего не сделаешь, но необходимо спросить, действительно ли причина причиняет, в этом то и заключается дело. Философия имеет ту особенность, что она прядет нить мыслей, один член развивается из другого, в предшествующем ищется последующее. Как философы они правы, но при этом они никогда не придут к отношению, получающемуся, когда принимают во внимание, что причина совершенно не обязана причинять. По своей сущности, причина может оставаться тем же, независимо от того, причиняет ли она что-либо как причина или нет. Это ничего не меняет в существе причины. И вот это многозначительное обстоятельство выявляется нам в символе Бога Отца и Бога Сына, — что **Христос привходит к Богу Отцу как свободное творение, как творение непосредственно не вытекающее из него, а стоящее рядом с предшествующим творением как свободный акт, который имеет возможность и не быть.** Творение, которое, не потому дано миру, что Отец должен был дать миру Сына, но Сын дан миру как свободный акт, **благодаря милости, свободе, любви, которая отдает себя свободно в своем творении.** Поэтому никогда нельзя будет тем же способом, каким приходят к Богу Отцу, подобно философам, прийти также и к Богу Сыну, к Христу. **Чтобы прийти ко Христу, необходимо к философской истине присовокупить истину веры или, так как время веры все больше и больше проходит, присовокупить другую истину, полученную ясновидческим исследованием, которое тоже, как свободный акт, должно развернуться в человеческой душе.**

Таким образом, хотя из природных явлений можно доказать что вообще существует Бог, но из цепи причин и следствий никогда нельзя внешним образом доказать, что существует Христос. Христос был здесь и может пройти мимо человеческих душ, если они только из самих себя не найдут силы сказать: **Да, вот это — Христос.** Необходимо активное побуждение к импульсу истины, для того чтобы в Том, Кто здесь был как Христос, узнать Христа. Другие истины, лежащие в сфере Бога Отца, мы может быть принуждаемы принять, если только мы пустимся в область мышления и будем последовательно применять его, **потому что быть материалистом значит в то же время быть нелогичным.** Религиозная философия в духе Лотце и вообще религиозная философия возникает так, что нас принуждает к этому Божественному в религиозной философии наше мышление. Никогда, однако, таким же образом — путем простой философии — не можем мы прийти к тому, чтобы признать Христа, **это признание должно быть нашим свободным поступком. Тогда возможно лишь двоякое: или делают последний вывод из веры, или же кладут начало исследованию духовного мира через изучение духоведения.** К последнему выводу и

приходят, когда говорят, как русский философ В. Соловьев. Он говорит: «Да, в отношении всех философских истин, которые человек узнает о мире, подчиняясь давлению своей логики, он не свободен, он не находится в свободной истине. Действительно же высшей истиной является та, которая нас не принуждает, которая является нашим свободным актом, это — свыше посланная истина веры». Высшее достоинство Соловьева завершается тем, что он говорит: «Высшая истина, которая признает Христа, это та же истина, которая творит свободно, которая не подчиняется принуждению». Для духовного исследователя и для того, кто понимает духовную науку опять возникает знание, но это уже активное знание, которое от мышления повышается к медитации, к инспирации, к интуиции, которое, творя, вживается в духовные миры, становится внутренне творческим и тем самым подобным тому, что мы должны развить, когда мы путем ли посвящения, путем ли смерти, входим в духовный мир.

Мудрость, которая нам насильственно навязывается на Земле, ее мы имеем в духовном мире в изобилии, так же как здесь, на физическом плане мы имеем явления природы. То основное, в чем заключается вопрос в духовном мире, это чтобы у нас был импульс, была сила сделать что-нибудь из этой мудрости, создать через нее реальность. Свободное творчество из мудрости, духовное действие как поступок, вот что должно в нас жить в виде импульса. И это мы можем иметь лишь в том случае, если найдем верное отношение ко Христу. Христос является той Сущностью, которая не может быть доказана внешней логикой рассудка, связанного с мозгом, она, однако, выявляется, реализуется в нас, когда мы приобретаем духовное знание. Как духоведение приобщается, как свободный акт, к другой науке, так приходит и знание Христа, лишь только мы приближаемся к тому миру, в который входим через посвящение или через врата смерти. В тот момент, когда мы в современный нам период времени переходим в духовный мир, то есть, когда мы умираем для физического мира, нам необходимо иметь такое отношение к миру, какое мы приобретаем, если устанавливаем верное отношение к Христу. Бога, который является Богом Отцом христианской религии, мы можем иметь через созерцание природы. Его мы можем иметь при помощи созерцания, живя в физическом теле. Христа же понять без традиции, без передачи, просто из чистого познания, возможно только через духоведение. Оно ведет нас в области, в которые человек вступает со смертью, со смертью, которая является символической, — выходом из физического тела с тем, чтобы в душе чувствовать себя вне тела, или со смертью, когда мы проходим через врата смерти. Правильным образом вооружаем мы себя импульсами, необходимыми нам, когда проходим через врата смерти, найдя верное отношение ко Христу. В тот момент, когда дело касается смерти, оставления физического тела, самое важное в современный нам период времени, чтобы мы правильным образом противостояли той Сущности, Которая пришла в мир для того, чтобы мы нашли надлежащее к Ней отношение. Бога Отца мы можем найти в жизни. Христа мы находим, когда понимаем правильным образом вхождение в духовное, когда правильным образом понимаем смерть.

ВО ХРИСТЕ МЫ УМИРАЕМ — IN CHRISTO MORIMUR

Пятая лекция

Вена, 13 апреля 1914 г

Когда человек прошел через врата смерти, он сложил свое физическое тело. Физическое тело передано элементам земли. Можно сказать: физическое тело изъято из сил и законов, которые его пронизывают насквозь между рождением и смертью человека, а те, другие законы, которым он после смерти подпадает как физическое тело, являются просто физическими и химическими законами. С точки зрения физического мира у человека, само собой разумеется, такое воззрение, что от человеческого существа на физическом плане осталось то, что принадлежало этому физическому плану. Это принадлежит физическому плану теперь и передается физическому плану после смерти. Для самого же человека должно быть, естественно, принято во внимание и при правильном воззрении на духовный мир принимается во внимание та точка зрения, которую должен был принять умерший человек, прошедший через врата смерти. Для него оставление физического тела означает некий внутренний душевный процесс. Для оставшихся то, что после смерти происходит с физическим телом, является внешним процессом, и внутреннее человека, человечески душевное умершего человека уже не отпечатывается внутри того, что осталось в виде мертвых останков. Для человека же, который прошел через врата смерти, остается еще, однако, все же нечто привязывающее, хотелось бы сказать, нечто связанное с оставлением тела. Он имеет внутреннее душевное переживание: «Ты вышел из своего физического тела и оставляешь это физическое тело». Чрезвычайно трудно с точки зрения физического плана действительно точно (соответственно действительному положению дел) обрисовать то, что тогда происходит в душе человека, потому что этот внутренний процесс нечто бесконечно всеобъемлющее, нечто бесконечно значительное: это — внутренний процесс, который в сущности длится короткое время, но имеет универсальное значение для всей человеческой жизни. И вот, если бы мы хотели описать то содержание представлений, которые происходят в душе, то содержание, которого, конечно, сегодня в открытой лекции еще нельзя было касаться, если бы мы хотели обрисовать внешний, в данном случае духовно внешний процесс представлений, которым, так сказать, начинается жизненный путь, протекающий между смертью и новым рождением, то можно было бы сказать: у прошедшего через врата смерти является прежде всего чувство: теперь ты находишься в совершенно ином отношении к миру, чем прежде, и все прежнее отношение, которое у тебя было к миру, **радикально преобразовалось**. Если бы мы хотели обрисовать то, что переживается в представлениях, то

мы должны были бы описать это следующим образом: человек жил до своей смерти на Земле, у него была привычка стоять на твердой материальной почве, видеть на ней существа минерального, растительного, животного царств, существа гор, облаков, рек, звезд, Солнце и Луну и, благодаря своей собственной точке зрения и своим находящимся в физическом теле способностям, представлять себе это целое таким образом, как теперь его себе представляют, несмотря на то, что в настоящее время знают, благодаря Копернику, что оно в сущности является лишь видимостью: там наверху голубой небесный свод, как небесная чаша, там на ней звезды, над ними ходят Солнце и Луна и т.д., мы сами как бы в этой чаше, в центре этого полого шара, в середине на Земле со всем тем, что Земля дает для восприятия.

Теперь для нас дело не в том, мои милые друзья, что это лишь видимость, что мы сами только благодаря ограниченности наших способностей образуем себе этот голубой шар, а дело в том, что мы не можем не видеть это, мы видим именно это, потому что, благодаря ограниченности наших способностей, оно является этим, видим именно голубой шар, образующий над нами небесный свод. Когда человек прошел через врата смерти, то первое, что он должен сделать, это выработать представление в своей душе: **теперь ты находишься вне этого голубого шара, в котором ты находился. Ты видишь его извне, но так, будто он сжался в звезду.** В начале не имеют никакого сознания о звездном мире, в котором, собственно говоря, распростерты, но в начале имеют лишь сознание того, что оставлено, сознание, что оставлена та сфера сознания, которая была в физическом теле, что оставлено то, во что давали возможность проникать взором человеческие способности, которые развиваются в физическом теле. Происходит, — но духовно, — нечто подобное тому, что должно было бы произойти, если бы цыпленок, который раньше находился в яичной скорлупе, сознательно разбил ее и затем эту разбитую скорлупу, которая до того его обнимала, его прежний мир, рассматривал не изнутри, а снаружи. Конечно, это представление является опять же Майей, которая тогда проходит через человеческую душу, но необходимой Майей. Как сказано, **сжалось как бы в звезду то, что до того давало содержание нашему сознанию, осталось то, что исходя от этой звезды, распространяется, то, что можно было бы назвать «излучающейся космической мудростью».** Эта излучающаяся космическая мудрость есть та самая, о которой я вчера говорил в последней лекции, о которой я говорил, что мы имеем ее в изобилии, она блестит и сверкает нам, как бы исходя из огненной звезды, теперь она не голубая, как небесный свод, она теперь огненная красновато-вспыхивающая, как бы исходящая от огненной звезды. И из нее излучается в пространство изобилие внутренне-подвижной мудрости. **Эта мудрость показывает нам сперва то, что можно было бы назвать картиной воспоминания нашей последней земной жизни.** И все происшествя, через которые мы нашим внутренним переживанием прошли между рождением и смертью, прошли сознательно, они выступают перед нашей душой, но так, что мы знаем: ты видишь все это, потому что звезда, которая здесь перед тобой

заблестела, является фоном, который внутренней своей деятельностью вызывает все то, что ты можешь видеть, то что простирается как картина воспоминаний.

Это все представляется с имажинативной точки зрения. С точки зрения внутреннего опыта, переживание примерно такое, что проходящий через врата смерти совершенно наполнен мыслью: да, ты оставил свое тело, **теперь в духовном мире это тело — чистая воля. Волящая звезда, звезда, субстанция которой — воля, вот теперь твое тело.** И эта воля раскаляется в тепле и излучается в даль миров, в которую ты теперь сам излился, она отражает тебе твою собственную жизнь между рождением и смертью как некую большую картину. И благодаря этому обстоятельству, ты мог высосать и вытянуть из мира все то, что ты на физическом плане высосал и вытянул из мира. **Потому что эта звезда, эта волящая звезда, которая сейчас образует фон, она — духовное твоей физической жизни, эта волящая звезда есть дух, который пропитывает и пронизывает силой твое физическое тело. То, что на тебя излучается в виде мудрости, это — деятельность, подвижность твоего эфирного тела.** И проходит время, которое, собственно, длится только дни, и получается впечатление: жизнь разыгрывается как картина воспоминаний. Наши мысли, которые стали нашими воспоминаниями в течение жизни на Земле, они катятся в этой жизни воспоминаний, они еще раз выступают перед нашей душой. И мы сохраняем их так долго, **насколько у нас силы, чтобы в нормальных условиях в физической жизни быть в бодрственном состоянии.** Дело не в том, сколько времени мы когда-нибудь в жизни бодрствовали в ненормальных условиях, дело в том, сколько в нас сил, чтобы выдержать бодрственное состояние. Силы у одного человека столько, что он едва может прободрствовать ночь без того, чтобы его одолела усталость, у другого столько, что он может выдержать дольше, не будучи усталым. И от количества этих сил зависит, сколько времени нужно человеку, чтобы справиться с этой картиной воспоминаний. При этом, однако, мы имеем совершенно отчетливое сознание, что благодаря находящейся на заднем фоне звезде, в этой картине воспоминаний находится то, что мы завоевали в последней нашей жизни, что в ней находится то, благодаря чему мы созрели, что мы пронесли через смерть как некий плюс сравнительно с тем, что мы имели, когда мы входили в наше рождение. И то, что мы можем обозначить как плод последней жизни, — мы его чувствуем так, как будто бы он не остался таким, каким был во время картины воспоминаний, но удалился, как будто бы он ушел, как будто бы он вошел в **будущее времен** и пропал в будущем времени.

Сегодня я, главным образом, буду говорить, как обстоит с жизнью между смертью и новым рождением у таких людей, которые достигли нормальной продолжительности жизни и умерли в нормальных условиях. О важнейших исключениях я сообщу завтра.

Таким образом, плод нашей жизни удаляется, когда мы его достигли, и мы знаем в душе: этот плод находится где-то, но мы отстали от него. У нас такое сознание, точно мы остались

в прошедшем, а плод жизни ушел вперед, чтобы прибыть ранее к какой-то более поздней точке, и мы должны следовать за ним, за этим плодом жизни. Это внутреннее переживание, что плод жизни пребывает во вселенной, это внутреннее переживание мы должны хорошо себе представить, потому что это и есть то, что **составляет основу нашего сознания, начало нашего сознания после смерти.** Наше сознание должно ведь всегда быть чем-нибудь пробуждено, — вызвано. Когда мы просыпаемся утром, то наше сознание снова пробуждается, тогда как во время сна мы бессознательны, оно пробуждается благодаря погружению в физическое тело и благодаря тому, что нечто воздействует на нас извне. В условиях, наступающих непосредственно после смерти, это сознание пробуждается благодаря нашему внутреннему чувствованию и переживанию, именно благодаря тому, что является плодом нашей последней жизни, что мы завоевали себе. Оно имеется здесь, но оно находится вне нас. И благодаря этому прочувствованию и переживанию нашего самого внутреннего земного существа, находящегося вне нас, мы получаем первое воспламенение нашего сознания после смерти, через него оживляется наше сознание. **И затем наступает время, когда нам необходимо развивать душевные силы, которые в течение жизни на физическом плане должны, собственно, оставаться неразвитыми,** потому что все они употребляются на то, чтобы насквозь организовать физическое тело и все то, что к нему относится, — всю физическую жизнь. Это душевные силы, которые в течение физической жизни должны быть превращены в нечто иное. Эти силы должны постепенно пробудиться после смерти. Уже в те дни, когда мы переживаем картину воспоминаний, мы должны отметить такое пробуждение душевных способностей. Когда эта картина воспоминаний постепенно отливает, меркнет, то это происходит потому что мы в течение этих дней уже развиваем те силы, которые, правда, лежат в основе нашей способности вспоминать, но во время физической жизни не осознаются. Они потому не осознаются во время физической жизни, что мы должны их в это время медленно преобразовывать, чтобы быть в состоянии образовать воспоминания. Последнее большое воспоминание, которое у нас появляется после смерти в виде большой картины, должно сперва отпасть, потускнеть, тогда из потускнения **развивается то, что мы не смели иметь в сознательном виде перед смертью.** Потому что, если бы мы имели это в сознательном виде перед смертью, то в нас никогда не могли бы образоваться силы воспоминания. Они превратились в способность вспоминать, эти силы, которые теперь развиваются в душе во время потускнения воспоминания картины жизни. Они перешли в силу воспоминания перед смертью, и теперь они выходят, благодаря тому, что побеждается возможность самым обыкновенным образом вспоминать земные мысли и благодаря тому, что в нас пробуждается, как первая духовно-душевная сила, эта как бы в духовное превращенная сила воспоминания. Она так выходит после смерти из человеческой души, как выходят душевные силы из подрастающего ребенка в первые недели жизни. Когда нарастает эта душевная сила, для нас становится ясным, **что за теми мыслями, которые во время нашего пребывания на**

физическом плане были только теньвыми картинами, что за этими мыслями находится нечто живое, что в мире мыслей есть жизнь и деятельность. И мы усматриваем, что картина наших мыслей во время нашей физической жизни была именно только теневой картиной, что она в действительности является лишь суммой, распространением элементарных сущностей. Мы видим как бы угасание наших воспоминаний и видим, взамен этого, **рождение из всеобщего космоса мудрости значительного числа элементарных сущностей.**

Вы можете спросить, мои милые друзья, разве это не отпадает от нас после смерти, так что мы побеждаем силу воспоминаний и получаем тогда нечто совершенно иное? Нет, это не отпадает от нас, потому что после смерти оно нам обильно возмещается. Вместо того, чтобы, как при жизни, вспоминать наши мысли, мы после смерти замечаем, что эти мысли, которые при жизни были всего лишь **мыслями о воспоминаниях**, теперь представляются нам как воспоминания. О, это сокровище памяти, которое мы имеем при жизни, оно нечто гораздо большее, чем просто сокровище памяти. Лишь только мы выходим из жизни, как видим все это сокровище памяти в живом присутствии, потому что оно здесь перед нами. Каждая мысль живет в виде живого существа. Теперь мы знаем: «Ты думал в твоей физической жизни, и тебе явились твои мысли, и в то время, как ты воображал безумно, что образуешь мысли, в это время ты создавал только элементарные существа. Это и есть то новое, что ты приобщил к вселенной. Теперь перед тобой то, что было рождено тобой в духовном, теперь перед тобой всплывает то, чем в действительности были твои мысли». И лучше всего можно узнать непосредственным созерцанием, что собой представляют элементарные сущности, когда сперва узнаешь те элементарные существа, которые сам создал. В этом состоит наиболее значительное впечатление первого времени после смерти, когда возникает картина воспоминаний, она начинает жить и, начиная жить, она превращается в элементарные существа. Теперь она показывает свое истинное лицо, и в том и заключается ее исчезновение, что она становится чем-то совершенно иным. Если мы, например, умерли в 60 или 80 лет, то нам больше не надо силы воспоминания, чтобы вспомнить какую-нибудь мысль, которую мы имели в 20-м году нашей жизни, потому что она находится перед нами как живое элементарное существо, нам нечего вспоминать ее, и если бы мы умерли на 40-м году, то мысли нашей было бы все равно всего 20 лет, и это на ней отчетливо видно. Эти элементарные сущности сами говорят, сколько времени прошло с тех пор, как они образовались. Время становится пространством, оно стоит перед нами в том, что живые сущности показывают свои знаки времени. Время становится непосредственным присутствием в этих условиях.

И из созерцания этих созданных нами элементарных существ, которыми мы были окружены уже при жизни и которых мы начинаем видеть после смерти, мы учимся познавать природу элементарного мира вообще и этим подготавливаемся также к пониманию и таких элементарных существ внешнего мира, которые и без нас существуют в духовном космосе.

Благодаря нашему собственному творчеству, мы учимся узнавать других. Подумайте только, как бесконечно отлична эта жизнь между смертью и новым рождением от земной жизни. Первое, что происходит после рождения, это то, что человек еще не узнает самого себя. То, что он переживает совершенно маленьким ребенком, это переживают с ним и другие, он родился, и другие — его родители — смотрят на это рождение. После смерти мы, конечно, сперва не смотрим сами на себя, но на рожденное нами мы смотрим как на внешний мир. То, что находится извне, что мы родили в момент смерти, на это мы смотрим сами. Как истинно то, что человек, вступая через физическое рождение в бытие, имеет перед собой непонятный ему внешний мир и является существом, которое только для других плачет и смеется, так после смерти, то есть, после рождения в духовном мире, мы начинаем сами быть в окружении, которое сами себе создали. **Мы родили мир, тогда как, рождаясь в физический мир, мы сами рождаемся миром.** Так обстоит дело с нашими мыслями и с тем, что происходит из мыслей, — с воспоминаниями, с сокровищем памяти.

Иначе обстоит дело с тем, что принадлежит нашим **чувствам и воле**. В первой лекции я изложил, что сфера наших чувств и воли, собственно, еще не родилось в нас во всей своей сущности, что воля и чувство в известном отношении представляют нечто, что не приходит к полному своему рождению. Это особенно ясно после смерти, потому что **воля и чувство, как они пронизывают физическое тело, имеются еще и после смерти**. Таким образом, человек, после того, как звезда воли удалась с плодами его последней земной жизни, живет в элементарном мире, который является его окружением и которому он дает основной тон своими превращенными воспоминаниями. Человек так живет в этом мире, которым он, собственно, является в том смысле, как только что изложено, что он знает: «Да, но твое чувство и воля живут еще в тебе, они теперь имеют воспоминание, своего рода связь с последней земной жизнью». И это длится десятилетия. Когда мы находимся между рождением и смертью, то мы наслаждаемся и страдаем, живем в страстях, развиваем волевые импульсы, благодаря тому, что несем в своем теле чувствующую и волящую душу, но никогда не бывает так, чтобы через тело действительно могли найти выход все те силы, которые лежали в чувстве и воле. Даже достигая крайне преклонного возраста, мы умираем так, что могли бы еще больше наслаждаться, больше страдать, развивать еще больше волевых импульсов. Однако должно быть сперва побеждено, то, что имеется еще в душе из возможностей чувствования и воления. До тех пор пока оно еще не побеждено полностью, у нас остается связь вожделения с последней земной жизнью. Мы как бы оглядываемся на эту последнюю земную жизнь. Это своего рода отвыкание от связи с физической земной жизнью. Природу этой силы, которую мы должны победить, для победы над которой нам, собственно, необходимы десятилетия, природу этой силы постигает тот, кто хотя бы только немного становится духоискателем, потому что она сравнительно легко постигается при духоискательстве.

Когда мы ежедневно засыпаем от дневных переживаний, время между засыпанием и пробуждением мы в нашем душевно-духовном находимся вне нашего тела. Мы возвращаемся назад, потому что в душевно-духовном чувствуем стремление к этому возвращению, потому что мы действительно чувствуем желание обладать телом. Мы чрезвычайно желаем войти в наше тело. И кто может пережить пробуждение сознательно, тот знает: **«Ты хочешь пробудиться, и ты должен хотеть пробудиться»**. Существует как бы притягательная сила в духовно-душевном к телу. Эта сила должна постепенно догореть, должна быть совершенно преодолена. Это длится десятилетия. В это время мы постепенно преодолеваем нашу связь с последней жизнью, и это значит, что **в отношении переживаний после смерти мы, собственно, должны все переживать обходным путем через нашу земную жизнь**.

Теперь я в состоянии, после того, как прочел предшествовавшие лекции, описать вам некоторые процессы подробнее, чем обычно, когда можно было описывать только общим образом, потому что для точного описания должны быть сперва установлены понятия.

Допустим, что мы оставили человека на Земле, а сами прошли через врата смерти. Мы стали, таким образом, во времени, когда приобрели себе способность взирать в элементарные существа и чувствовать себя самих, таким образом, мы знаем: наши земные плоды удалились, однако мы еще связаны с нашей последней земной жизнью. Представим себе, что мы **оставили очень любимого человека**, когда прошли через врата смерти. Теперь после смерти мы постепенно приходим к тому, что, привыкая созерцать наши собственные элементарные существа, мы созерцаем и элементарные существа других людей. Теперь мы приучаемся видеть мысли других людей в виде элементарных существ. Этому мы учимся постепенно созерцая наши собственные элементарные существа. **Что думает человек, которого мы оставили, и что живет в его душе в виде мыслей — это мы видим непосредственно, потому что оно выражается в элементарных существах, которые выступают перед нашей душой в мощных имажинациях**. После смерти мы можем иметь больше связи с внутренней сущностью данного человека, **даже больше**, чем мы с ним имели в физическом мире, потому что, когда мы сами были в физическом теле, мы ведь не могли смотреть на мысли другого человека, а теперь мы можем это сделать. Но для этого нам нужно как бы воспоминание чувства (прошу хорошо обратить внимание на это слово) — связь чувства с нашей собственной последней земной жизнью. Мы должны как бы так чувствовать, как мы чувствовали в теле, и это чувство должно давать в нас отзвук. Тогда связь с человеком оживет, иначе же она была бы лишь образной, подобно тому, как нам представляются мысли другого человека. Мы получаем, таким образом, живую связь обходным путем через наши чувства. И так, собственно, обстоит дело со всем остальным.

Мы вырабатываемся из состояния, которое можно характеризовать, сказав: еще некоторое время мы должны брать силы из нашей последней земной жизни для того, чтобы прийти в живую связь с окружающим нас

духовным миром, мы должны еще оставаться с этой земной жизнью связанными. Мы любили души, которые оставили и содержание которых нам представляется как мысли, как элементарные существа. Но мы их любили, потому что мы сами еще живем любовью, которую мы развивали по отношению к ним в течение нашей земной жизни. Неприятно употреблять такие выражения, но некоторые из вас меня поймут, если я скажу: земная мысль значит не жизнь мыслей, земная жизнь, как прочувствованное и пронизанное волевым импульсом душевное содержание, с которым мы еще связаны, является своего рода электрическим реле собственной индивидуальности на то, что нас духовно волнообразно окружает, как бы своего рода реле. Мы все воспринимаем обходным путем через последнюю нашу земную жизнь, но лишь **через то воспринимаем мы принадлежащее нам в духовном мире, что было в последней нашей земной жизни чувствованием и волею**. Мы чувствуем себя живущими дальше во времени, как своего рода комета времени. Наша земная жизнь еще тут, как ядро, но ядро выпустит из себя в скором времени своего рода хвост, который мы переживаем. Мы связаны еще с нашей земной жизнью, поскольку она наполнена чувством и волей, и в глубине нашей души должно родиться из этой земной жизни, как я вам описывал, должно родиться нечто, которое теперь не является непосредственно чувством и волей, потому что душевные силы, которые мы здесь развиваем в физическом мире, также и сила чувств и сила воли, которые мы имеем в физическом мире, мы имеем в этой форме благодаря тому, что мы живем именно в физическом теле. Если же душа больше не живет в физическом теле, то она должна развивать другие способности, которые во время физической жизни только дремлют.

Она должна, пока еще в ней годами действуют отзвуки чувств и воли, вырвать из этой связи то, что она в этом отношении может использовать и в духовном мире, а именно силы, которые я обозначил, говоря: это как бы чувствующее желание или **желающее чувствование**. О нашем чувстве и нашей воле мы знаем: они сидят в нашей душе, но от таких чувств и желаний, какие находятся в нашей душе, мы после смерти, в сущности, ничего не имеем, они должны постепенно померкнуть и притушиться, и с ними это и происходит с годами. Однако во время этого притупления и потускнения, из чувства и воли должно развиться нечто, что мы имеем после смерти. Наши мысли живут вне нас, как элементарные существа, из чувства и из воли, каковые в нас жили, мы бы ничего не имели для того мира, который вне нас и который мы сами. Мы должны постепенно развить волю и ее мы развиваем, — она изливается из нас, как бы истекает из нас и волнами течет туда, где находятся наши живые мысли. Она пронизывает их, потому что на волнах воли плыет чувство, которое в физической жизни только находится в нас. На волнах воли плыет чувство. Там, вне нас, вздымается и струится море нашей воли, и по нему плыет чувство. Оно плыет тогда, когда воля натывается на какое-нибудь мысленное элементарное существо, тогда, при столкновении воли с элементарным мысленным существом, происходит вспышка чувства, и мы воспринимаем это отбрасывание назад нашей воли как реальную

действительность духовного мира. Я скажу так: Допустим, что во внешнем духовном мире находится элементарное существо. **Когда мы выработались из того состояния, через которое мы предварительно должны пройти, тогда наша воля, исходящая из нас теперь, устремляется потоком к элементарному существу. Там, где она сталкивается с элементарным существом, она отбрасывается назад. И теперь она возвращается назад не как воля: она возвращается как чувство, которое течет к нам обратно по этому морю воли. В виде чувства, которое возвращается к нам по волнам воли, живет наше собственное существо, излитое в космос.** Благодаря этому элементарные существа становятся для нас реальными, благодаря этому мы постепенно воспринимаем все больше и больше то, что там находится вне нас из внешнего духовного мира.

Но еще одна душевная сила должна выйти из нас, она дремлет в еще более глубоких слоях души, чем чувствующая воля и волящее чувство: творческая душевная сила, как внутренний душевный свет, который должен светить в духовном мире для того, чтобы мы, не только плывя на волнах чувства, возвращающихся к нам по морю нашей воли, взирали на живые работающие объективные мысленные существа, но также насквозь просвечивали духовным светом этот духовный мир. Творческая духовная сила света должна исходить из нашей души в духовный мир. Она просыпается постепенно. Видите ли, мои милые друзья, из чувствующего воления и волящего чувствования мы имеем в себе, пока живем в физическом теле, по крайней мере, братскую пару — чувствование и воление — в дифференцированном виде. Мы их имеем в виде пары, тогда как они являются едиными, когда мы прошли через врата смерти. Эта творческая душевная сила, которую мы как душевный свет излучаем в духовное пространство (если я только могу здесь употребить выражение «пространство», потому что, собственно, это не пространство, необходимо, однако, прийти к известному пониманию этих отношений, применяя образные выражения) — этот душевный свет дремлет так глубоко, потому что стоит в связи с тем, о чем мы в жизни ничего не можем и не должны знать, он дремлет в нас глубоко внизу при жизни на физическом плане и затем, освобожденный в виде света, освещает и озаряет духовный мир. То, что из нас излучается, превращается во время нашей физической жизни и применяется для того, чтобы наше тело действительно жило и могло таить в себе сознание. Но находясь под порогом сознания, **эта духовная сила света действует в нашем физическом теле как сила, организующая жизнь и сознание, мы не смеем вводить ее в наше земное сознание, потому что иначе бы мы лишили наше тело той силы, которая должна его насквозь организовывать — пронизывать.** Теперь же (после физической смерти), когда нам уже нечего заботиться о теле, **она становится духовной силой света и насквозь пронизывает лучами, и насквозь освещает, и насквозь просвечивает искрами все,** — слова эти обозначают реальные действительности.

Так мы постепенно вработываемся, чтобы стать в духовном мире настолько же дома, переживать его настолько же реально, как здесь мы переживаем реальность физического мира. Мы постепенно вработываемся, чтобы стать в духовном мире товарищами умерших человеческих душ, поскольку они реально живут в духовном мире. Мы живем среди душ, как здесь в физическом теле живем среди тел. И чем дальше мы проникаем в настоящий внутренний дух духоведения, тем яснее становится, что предположение, что после смерти мы не будем снова сходитья со всеми теми людьми, с которыми жили здесь, то предположение это представляется таким же глупым, сколь глупо было бы для физического плана предположение, что мы не встретим на Земле людей, когда через физическое рождение вступим на эту Землю. Люди вокруг нас. Точно также глупо, когда говорят: мы не находим, когда вживаемся в духовный мир, все те души, с которыми стояли в связи, и мы не находим также и сущностей Высших Иерархий, которых мы знаем, как знаем здесь на Земле минералы, растения и животных. Разница только в том, что в физическом мире, когда мы видим вещи, слушаем их, то имеем возможность видеть и слышать благодаря органам чувств, то есть получаем эту возможность от внешнего мира. В духовном же мире эта возможность приходит от нас самих, благодаря тому, что духовный свет излучается из нашей души и освещает, насквозь просвечивает все вещи.

Так мы вживаемся в то время, которое можно назвать первой половиной жизни между смертью и новым рождением. И тогда, как мы вживаемся в это время, мы проходим через те два состояния, о которых я говорил в открытой лекции: время, которое длится годами, **в течение которых мы связаны с духовным миром, благодаря излучению нашей душевной световой силы**, и в течение которых мы видим то, что находится вокруг нас — духов и души. Это видение затем тускнеет. Мы чувствуем: ты теперь развиваешь все меньше и меньше свою душевную световую силу, ты вынужден допустить, что становишься все сумрачнее и темнее в духовном смысле. И ты видишь все меньше духовных существ. И так идет все дальше и дальше, пока не наступает время, когда ты говоришь: сущности находятся здесь вокруг тебя, но **ты становишься все более и более одиноким, у тебя осталось только содержание твоей собственной души**, и это содержание становится тем богаче, чем меньше освещаются Сущности, находящиеся извне.

Существуют времена духовного общения и духовного одиночества, в течение которого снова переживают то, что было пережито во время духовного общения. Но все это в душе. И оно проходит и сменяется. Так мы вживаемся в духовный мир: **духовное общение — духовное одиночество**. Во время духовного одиночества мы знаем: то, что ты пережил вокруг себя в духовном мире, это ведь все было здесь, обо всем этом ты знаешь, однако теперь от этого остались лишь отзвуки в твоём внутреннем. Можно сказать: во времена духовного одиночества остаются воспоминания. Однако, такие слова не точно определяют суть дела. Я поэтому попробую обрисовать вам вещи еще и с другой стороны. Дело обстоит не так, как если бы мы в духовной темноте вспоминали то, что раньше пережили в духовном мире, дело обстоит так, что в каждый

момент мы должны заново это воспроизводить: это — непрерывное внутреннее творчество. Но мы знаем при этом: в то время как там извне находится внешний мир, ты должен оставаться с самим собой и творить, это — мир, который там извне волнуется вокруг тебя, по ту сторону берегов твоего собственного существа. Однако, по мере того, как мы все дольше живем в первой половине жизни между смертью и новым рождением и по мере того, как мы приближаемся к середине времени между смертью и новым рождением, мы чувствуем, что одиночество становится все богаче, а мгновения наших прозрений в духовное окружение все короче и сумрачнее. И наконец наступает время в середине между смертью и новым рождением, которое я пытался обозначить в моей мистерии «Пробуждение Души» выражением **«МИРОВАЯ ПОЛНОЧЬ»**. Человек имеет тогда наиболее интенсивную жизнь в своем внутреннем, однако у него нет больше духовной творческой силы, чтобы освещать свое духовное окружение, бесконечные миры могут нас тогда внутренне духовно наполнять, но мы не можем знать ни о каком ином бытии, кроме нашего собственного. Здесь находится середина переживаний между смертью и новым рождением — Мировая Полночь.

И затем начинается время, когда в человеке появляется тоска по позитивной творческой силе. Потому что, несмотря на переживаемую в нашем внутреннем бесконечность, в нас пробуждается стремление иметь снова вокруг себя внешний мир. Условия духовного мира весьма отличны от условий физического мира: в то время как страстное стремление в физическом мире является наиболее пассивной силой (если мы что-либо имеем, к чему стремимся, то это нечто и определяет нас), — в духовном мире имеет место противоположное. Там стремление становится творческой силой, оно превращается в то, что в качестве нового вида душевного света может дать нам внешний мир, внешний мир, который, однако, является внутренним миром, потому что нам открывается вид на наши **прежние земные воплощения**. Они лежат перед нами, освещенные светом, рожденным из нашего страстного стремления. В духовном космосе есть сила, которая, исходя из нашего страстного стремления, может осветить этот ретроспективный вид и дать нам возможность пережить его. Для этого, однако, в современном цикле развития кое-что необходимо. Я вам сказал: в течение всего этого времени первой половины жизни между смертью и новым рождением мы все время переходим от внутренней к внешней жизни, от одиночества к духовному общению. Условия внешнего мира таковы, что каждый раз, когда мы в этом духовном мире возвращаемся в наше одиночество, мы, конечно, во внутренней нашей деятельности все снова вызываем перед нашей душой то, что пережили во внешнем мире. Благодаря этому получается сознание, которое распространяется по всему духовному миру. Круги полета снова замыкаются в одиночестве. Однако, распространяемся ли мы по великому духовному миру или уходим назад, одно мы должны сохранить. До События на Голгофе было возможно, благодаря силам, связывающим человека с древнейшими временами, сохранять собранность, твердую собранность своего «Я», это значит — с протекшей земной жизнью связывать совершенно определенное, отчетливое

воспоминание: «Я был на Земле в этой жизни (отдельным) “Я”». И это должно проходить через все времена одиночества и общения. До События на Голгофе об этом заботились унаследованные человеком силы. Теперь же это происходит благодаря тому, что с тем, что мы с себя сбросили как наше земное, что мы тотчас ощутили, удаляясь при оставлении физического тела, что с этим остается связанным особое душевное наполнение — наполненность, — которую мы имеем благодаря тому, что Христос излился в ауру Земли. Это проникновение Христовой субстанции и оставляет нам, при переходах от физической жизни к смерти, возможность сохранять до Мировой Полуночи воспоминание о нашем “Я”, несмотря на смену последовательных расширений и сжатий в одиночество. Импульс, исходящий из силы Христа, сохраняет силу до этого момента, так что мы не теряем его. Затем, однако, наше стремление должно быть побуждаемо к новому свету, новой, исходящей из стремления, духовной силой, силой, которая имеется вообще только в духе. Эта сила имеется только в духовной жизни.

Мои милые друзья, в физическом мире есть природа и пронизывающее эту природу божественное, из которого мы родились в физический мир. Есть Импульс Христа, который заключен в земной ауре, то есть в ауре физической природы. Но сила, которая подходит к нам в Мировую Полночь, чтобы придать нашему стремлению свет, падающий на все наше прошлое, эта сила имеется только в духовном мире, она имеется лишь там, где не могут жить никакие тела. И когда Импульс Христа довел нас до Мировой Полуночи, и когда мы в духовном одиночестве пережили окружающую нас Мировую Полночь, потому что душевный свет не может больше излучаться из нас самих, когда наступила мировая тьма, — когда Христос довел нас до этих пор, тогда из Мировой Полуночи, из нашего стремления выступает духовное, которое порождает новый мировой свет, распространяет сияние на наше собственное существо, при котором мы снова находим себя в мировом бытии, благодаря которому мы снова просыпаемся в мировом бытии. Духа духовного мира, пробуждающего нас, познаем мы, мы познаем Его, благодаря тому, что из Мировой Полуночи светится новый свет, освещающий нашу протекшую человечность. Во Христе мы умерли, через Дух, через бестелесный Дух, Который именуется Духом Святым, то есть живущим без тела — потому что в этом смысл слова «Святой» — через живущий без телесных слабостей Дух, через этот Дух мы снова пробуждаемся из Мировой Полуночи в нашей сущности. Через Святой Дух, Святым Духом мы, таким образом, пробуждаемся в Мировой Полуночный Час.

**В ДУХЕ СВЯТОМ ВОСКРЕСАЕМ —
PER SPIRITUM SANCTUM REVIVISCIMUS**

Шестая лекция

Вена, 14 апреля 1914 г

Мы закончили предыдущую лекцию великим Мировым Полуночным Часом духовного бытия между смертью и новым рождением, тем часом, когда внутреннее человеческое переживание становится наиболее интенсивным и когда то, что называется духовным общением, связь с духовным внешним миром, достигает минимума, так что, в известном отношении, в течение этого полуночного часа духовного бытия, вокруг нас наступает духовная тьма. Но было сказано, что тоска по внешнему миру снова возгорается в нас и эта тоска становится активной благодаря Духу, действующему в духовных мирах, и эта тоска рождает из нас новый духовный свет, так что мы получаем теперь возможность увидеть внешний мир совершенно особого рода. Этот внешний мир, видимый нами тогда, это наше собственное прошлое, прошлые воплощения и промежутки между смертью и новыми рождениями. Мы смотрим теперь на него как на внешний мир, мы видим, что мы, в прошлом, получили от мирового бытия и что мы остались должны этому мировому бытию. И когда мы получаем возможность бросить взгляд назад на наши прежние переживания, тогда перед нами с большой интенсивностью особенно выступают два обстоятельства. Мы как бы видим духовным взором, что в прошлом имели определенные **наслаждения**. Для нас были приуготовлены те или иные радости, наслаждения бытия. И мы можем обозреть все, что когда-либо испытали радостного, из наслаждения бытия. Но мы обозреваем это так, что оно нам является в своем духовном достоинстве, оно нам представляется в связи с тем, что оно из нас сделало. Мы смотрим назад на то, что являлось для нас наслаждением, удовольствием в прошедшем времени одной из наших жизней. Мы чувствуем: это не является прошлым, оно, правда, лежит далеко позади во времени, но оно не есть нечто абсолютно прошедшее. Оно продолжает оказывать свое действие во все времена, как бы ожидает: что мы из него сделаем? Если мы имели такое наслаждение, тогда мы чувствуем в себе, переживаем непосредственно в нашем душевном бытии: это должно стать в тебе силой, силой твоей души, и этой силе души ты можешь дать действовать в себе двояким образом. Теперь, в этом духовном бытии после Мирового Полуночного Часа, ты имеешь эти две возможности, духовный мир дает тебе способность превратить одну из этих возможностей в действительность. Ты можешь это прошедшее наслаждение, это удовольствие превратить в себе в такую способность, чтобы **благодаря прошедшему наслаждению, развить в своей душе некую силу, которая сделает тебя способным к тому или иному**, благодаря чему ты что-то — великое или малое — сотворишь в мире, что будет представлять для мира известную ценность. В этом заключается одна возможность. Другая — в следующем: мы можем сказать себе: «Я наслаждался, я довольствуюсь наслаждением, я восприму наслаждение в свою душу и буду упиваться тем, что в прошедшем имел это наслаждение». Если мы относительно многого, что нам доставляло наслаждение и удовлетворение, будем пользоваться этой возможностью, тогда мы придем к тому, что образуем внутри себя силу, от которой мы будем постепенно духовно вырождаться, задыхаться. Мы можем

научиться в духовном мире очень важному, а именно, что **мы благодаря наслаждению и удовольствиям становимся должниками мирового бытия**. Перед нашим духовным оком встает перспектива задохнуться от последствий удовлетворений и наслаждений, если мы в надлежательный момент не примем решение образовать из прошедших удовольствий и наслаждений способности, вызывающие нечто ценное в жизни. Отсюда видно, как духовное и происходящее на физическом плане, непосредственно взаимодействуют. Тот, кто в духе позавчерашней лекции все больше проникается познаниями духоведения, у того оно перейдет в инстинктивную жизнь его души, и у него, как побуждение внутренней совести, разовьется в отношении наслаждений и удовольствий, которые он имел на физическом плане, особое настроение: ты не должен воспринимать какие-либо наслаждения, радости, удовольствия для себя самого. У него эта радость проникнется своего рода чувством благодарности по отношению ко всей Вселенной, к ее духовным силам. Потому что он знает, что каждое наслаждение и удовольствие делают его должником Вселенной. Легче и точнее всего мы справляемся с преобразованием духовных наслаждений и радостей. А те наслаждения и удовольствия, удовлетворяемые телесными орудиями или вообще только благодаря тому, что человек имеет на физическом плане еще и тело, такие наслаждения во время между смертью и новым рождением тоже стоят перед нами как нечто, что должно быть преобразовано, если мы не хотим постепенно в них, так сказать, задохнуться. Мы чувствуем необходимость преобразования, но вместе с тем, мы чувствуем: во-первых, нужно будет много воплощений, для того чтобы мы между этими воплощениями были все снова и снова в духовном мире и могли вызвать это преобразование. А затем мы находим в духовном мире еще и то, что, в теперешнем цикле человеческого развития, такими наслаждениями и радостями, при которых на физическом плане наше душевно-духовное как бы совершенно захватывается и наслаждение, удовольствие принимает **ниже-человеческий** (я не хотел сказать — животный) характер (потому что радость и наслаждение могут принимать и ниже, чем человеческий, характер), что мы фактически **такими наслаждениями причиняем бесконечную боль некоторым сущностям духовного мира**, которые тогда лишь появляются перед нами, когда мы входим в этот духовный мир. И зрелище этой боли, которую мы причиняем в духовном мире этим сущностям, столь чудовищно удручает и потрясает, оно пронизывает нашу душу такими силами, что мы не вполне справляемся с гармонической выработкой связей для следующей инкарнации.

В противоположность тому, что мы переживаем в виде боли и страданий, на духовном плане, те **страдания**, которые мы испытали на физическом плане, продолжают свое действие и на духовном плане, но пронизывают нашу душу такими силами, что эти силы становятся **силами воли**. Через это мы становимся в душе крепче и получаем возможность превращать эти силы в моральные силы, которые мы затем берем с собой на физический план, не только для того, чтобы иметь известные способности и при их помощи создавать нечто ценное для окружающей

среды, но обладать также и нравственной силой, чтобы с соответствующим характером изживать эти способности.

Подобные переживания мы испытываем сразу после духовной полуночи. Мы чувствуем, переживаем то ценное, чем мы стали благодаря протекшей нашей жизни, те способности, к которым можем прийти в будущем. И когда мы затем живем еще некоторое время в духовном мире, из сумеречной темноты духовного окружения выступает отчетливо картина теперь уже не только нашей собственной протекшей жизни, но и всего того человеческого, что было с этой жизнью ближе всего связано. Тогда мы вступаем в духовные отношения с людьми, с которыми имели те или иные отношения на прежних ступенях бытия. Это не значит, что до этого момента у нас не было общения с ними — мы всегда изживаем себя в духовном мире в общении с теми людьми, которые были близки нам в жизни — но теперь, когда мы после Мировой Полуночи снова встречаем этих людей, на них ясно и отчетливо выступает то, что мы были им должны или что они нам были должны. Мы переживаем теперь не только представление: ты стоял в такое-то время в таком-то отношении к этим лицам — это у нас было и до того, теперь же эти люди становятся для нас выражением того, что сглаживает прежние переживания. Мы видим по людям, когда они выступают перед нами, при помощи каких новых переживаний на физическом плане мы можем заглазить прежнее, так чтобы мы не остались их должниками и т.п. Когда души людей выступают перед нами, мы как бы видим то действие, которое должно вызвать в будущем отношения, которое в прошедшем связывало нас с теми или иными людьми. Конечно лучше всего это можно понять, если взять какой-либо конкретный случай и применить его к тому, о чем говорилось в предшествующих лекциях. Предположим, таким образом, еще раз, что мы **СОЛГАЛИ** какому-нибудь человеку. Теперь настало время, когда в духовном мире представляется возможность, чтобы противоположная нашей лжи истина мучила нас. Мы мучаемся, потому что отношение к человеку, которому мы солгали, в описываемое теперь время, по мере того, как мы его видим (а мы его достаточно часто видим духовным взором), настолько переменялось, что он становится причиной того, что в нас поднимается противоположная сказанной лжи истина и мучает нас. Благодаря этому из наших глубин возникает стремление: этого человека ты должен вновь встретить внизу на Земле и своими поступками сгладить совершенную твоею ложью несправедливость. В духовном мире, не может быть заглажено то, что было сделано твоей ложью, здесь ты можешь лишь ясно понять, какое последствие производит ложь в космосе. **То, что из таких поступков совершено на Земле, на ней же должно быть и заглажено.** Мы знаем, что для такого сглаживания в нас самих должны быть определенные силы, а они могут появиться тогда, когда мы облакаемся в земное тело. Благодаря этому в нашей душе возникает стремление: ты должен облечься в земное тело, которое предоставит тебе возможность совершить поступок, благодаря которому выравниваются несовершенства, причиненные тобою на Земле. Иначе, когда ты следующий раз пройдешь через смерть, этот человек вновь появится перед тобой и вновь вызовет мучения, причиняемые истиной. Теперь вы

видите, каким путем в нас появляется стремление образовать в духовном мире возможность кармического выравнивания того или иного поступка. Эти выравнивания происходят и другими способами, но я должен был бы приводить тысячи конкретных примеров, если бы захотел выявить все, что должно быть принято во внимание в этом, полном значения, кармическом вопросе.

Возьмем, например, такой случай: допустим, что мы находимся в духовном мире в то время, которое следует за полуночным часом бытия, и мы оглядываемся назад на некоторые радостные переживания и говорим: действие этих переживаний мы можем обратить в способности, которые мы используем тогда, когда опять облечемся плотью. Да, но тогда может произойти следующее. Мы можем сказать: превращая теперь, в теперешнем своем состоянии, эти протекшие переживания в способности, ты можешь встретить препятствия со стороны элементарных существ. Так может случиться. Эти **элементарные существа не допускают, чтобы ты действительно приобрел эти способности**. Теперь мы можем задать вопрос: да, что же тогда делать? Если я уступлю этим элементарным существам, которые ко мне подходят и которые не могут вынести, чтобы во мне образовались эти способности, то я не смогу их в себе выработать. Однако, я должен образовать в себе эти способности. Я знаю, что я смогу в следующем воплощении оказать известным людям услуги только благодаря тому, что буду обладать определенными способностями. И мы правильно решаем, приобретая эти способности. Однако, этим мы оскорбляем находящиеся вокруг нас элементарные существа. Они чувствуют, что мы их как бы атакуем. Когда мы приобретаем известные способности, они чувствуют себя помраченными в своем существовании, как если бы нечто было отнято от их собственной мудрости. Одно из последствий, часто наступающих в таком случае, состоит в том, что **при новом рождении на Земле, мы встречаем одного или многих людей, одержимых этими элементарными существами и обуреваемых особенно враждебными намерениями по отношению к нам**. Подумайте только, как глубоко позволяет это заглянуть в человеческую жизнь и как основательно учит оно нас понимать человеческую жизнь, приобретать себе настоящие инстинкты и правильно держать себя на физическом плане. Это не обуславливает, однако, того, что мы, находясь на физическом плане, должны всегда говорить: «Ну да, я должен был тогда защищаться и это восстановило против меня моих врагов, теперь я должен им уступить». Может быть такой случай, когда лучше им уступить. Может быть, однако, и такой случай: если мы уступим, то эти враждебные элементарные существа, действующие через того или иного человека, пожелают, благодаря достигнутому на физическом плане, получить большее удовлетворение за то, что мы отняли от них, защищая себя в духовном мире. Они могут пойти дальше того, что мы отняли от них, и, в тогда мы не в состоянии будем спастись от них и когда снова войдем в соответствующее время в жизнь между смертью и новым рождением, они в известном смысле убьют в нас некоторые способности.

Мир становится все сложнее и сложнее, по мере того как мы в него проникаем нашим пониманием. Это, собственно и не должно нас удивлять. Я бы хотел отметить еще несколько случаев из кармической связи между жизнью на Земле и жизнью между смертью и новым рождением. Так, отмечу такой случай: какой-то **человек умирает раньше, вследствие болезни**, чем обычно наступает смерть в нормальной человеческой жизни. Тогда такой человек проходит через врата смерти, сохраняя известные силы, которые он изжил бы, если бы достиг нормального человеческого возраста. Эти силы, остающиеся человеку в виде остатка неистраченных сил, так как он ушел раньше обычного, эти силы остаются, и духовидец, исследуя жизнь этого человека после смерти, видит, что эти силы приобщаются к **волевым и чувствующим силам** человека, что они укрепляют и усиливают их. Так что такой человек имеет возможность получаемое от них перед полуночным часом так употребить после полуночного часа, что входит в земную жизнь более сильным, обладающим большим характером человеком, чем он вошел бы, не постигни его ранняя смерть. Возможность этого зависит, однако, от прежней Кармы, и было бы, конечно, величайшей глупостью думать, что при помощи искусственной ранней смерти можно вызвать описанные последствия. Таким способом этого нельзя достигнуть. Последствия искусственной ранней смерти описаны в моей книге "Теософия", в пределах, необходимых для освещения этого вопроса. Я указал там и на такой случай, когда человека постигает ранняя смерть в результате **несчастливого случая**. Если в этом случае человек вырывается из физического плана, на котором он по своим силам мог бы дожить до глубокой старости, то он также сохраняет такой остаток сил, который приобщается к его силам после полуночного часа, и он может употребить его на **увеличение интеллектуальных сил**, на силы познания. Духовное исследование показывает, что крупные изобретатели, были часто именно людьми, которых в прежних воплощениях постигла смерть от несчастного случая.

Для понимания духовного мира необходимо сперва усваивать новые представления и понятия, так как он представляет собой нечто совершенно иное, чем мир физический. Поэтому никто не должен удивляться, что описания духовного мира, если прилагать к ним мерки физического мира, будут представляться неудовлетворительными. Фактом, засвидетельствованным многими духоведами, является то обстоятельство, что совершенный материалист, умирающий с материалистическим настроением, оставляя после себя материалистически настроенных лиц, в духовном мире испытывает сперва известные лишения. Так как он прошел через врата смерти без спиритуального настроения, то он не может оглянуться назад и увидеть своих близких на Земле, у которых также нет в душе ни одной спиритуальной мысли. Он про них знает лишь до того момента, когда прошел через врата смерти. Что они сейчас переживают на Земле, этого его духовный взор не может видеть, потому что в их душах нет спиритуальной жизни, ибо только спиритуальность бросает свет вверх, в духовные миры. Такой человек должен ждать, пока у него в духовном мире

вырастут силы, чтобы ясно увидеть, что души, которые он оставил там внизу, настроены материалистически потому, что находятся во власти Аримана. Если бы такой человек увидел это непосредственно после смерти, он бы этого не вынес. Надо раньше вжиться в это овладение Ариманом материалистически настроенных душ, лишь тогда можно начать видеть эти души, до тех пор, пока они тоже пройдут через врата смерти и освободятся от своего материалистического настроения в духовном мире. Затем, уже впоследствии, человек переживает общение с ними. Для того и появилось сейчас в мире духоведение, что человеческое развитие делает необходимым, чтобы проникновение в духовные миры и знание об условиях существования в них жило бы все больше и больше в душах людей, сперва инстинктивно, а затем сознательно.

Я вам сообщу одно чисто внешнее обстоятельство — оно чрезвычайно важно, — чтобы вы видели, как люди все больше и больше будут оценивать жизнь на физическом плане в истинном смысле только благодаря тому, что будут понимать законы духовного бытия. Я вам сообщу нечто, являющееся внешним, но как внешнее представляющееся чрезвычайно важным. Когда мы смотрим на природу, то видим удивительное зрелище, что в процесс размножения вовлекается очень небольшое число зародышей, а значительно большее количество их погибает. Мы видим полчища рыбных зародышей — икринок, находящихся в море. Лишь немногие из них становятся рыбами, остальные погибают. Мы смотрим на поле и видим огромное количество зерновых ростков, лишь немногие из них становятся хлебными растениями, другие погибают в виде зерен, когда люди употребляют их в пищу. Громадное количество должно производиться природой, гораздо больше, чем в равномерно протекающем потоке бытия действительно превращается в плод, а затем снова в зародыш. Так в природе все устроено хорошо, потому что во внешней природе царит порядок и необходимость, чтобы то, **что отклоняется в сторону от принадлежащего ему и в нем самом обоснованного потока существования и плодоношения, чтобы оно потреблялось на служение другому непрерывному потоку существования.** Существа не могли бы жить, если бы все зародыши действительно превращались в плод и приходили к заложенному в них развитию. Должны быть такие существа, которые потребляются для создания почвы, из которой могут вырастать другие существа и т.д. **Мысль о том, что нечто пропадает, является лишь видимостью, Майей!** В действительности, в пределах творчества природы ничего не пропадает. В природе царит дух, и если существует видимость, что пропадает нечто из непрерывного потока развития, то она имеет основание в мудрости духа, в этом заключается духовный закон, и мы должны смотреть на это с точки зрения духа. Тогда мы придем к тому, насколько достаточное обоснование имеет существование того, что видимо отводится в сторону непрерывным потоком мировой жизни. Это имеет свое обоснование в духе. Поэтому оно может также, поскольку мы ведем духовную жизнь, иметь значение и на физическом плане.

Мои милые друзья, возьмем конкретный случай: **должны ли читаться публичные лекции о духовной науке?** Они читаются перед

публикой, которая просто благодаря факту публичного чтения соединяется вместе. Тут происходит нечто подобное хлебным зернам, которые лишь отчасти потребляются в непрерывном потоке существования. Нас не должно отпугивать то обстоятельство, что в зависимости от тех или иных условий, мы принуждены пускать потоки спиритуальной жизни в круг весьма многих и многих людей, по-видимому без разбора, и что затем лишь немногие отделяются и действительно вступают и идут вместе с другими в непрерывном потоке. На этом поприще дело обстоит так, что эти рассеянные зерна соответствуют многими, которые, уходя с лекции, говорят: «Что за сумасшедшую ерунду порет этот человек!» Если мы взглянем на это непосредственно с точки зрения внешней жизни, то это сходно с гибелью в море массы икринок. Однако с точки зрения более глубокого исследования, дело обстоит иначе. Души, которые пришли по своей Карме и затем ушли, говоря: «Что за ерунду говорил этот человек!» — эти души еще недостаточно зрелы, чтобы воспринять истину духа, но этим душам нужно было в теперешнем воплощении почувствовать, что к ним подходило то, что является силой духовной науки. И она все же остается в их душах, даже если они и бранятся, она остается в их душах для следующего воплощения и раз эта сила остается, то и зародыши не утрачены. Они пробьют себе путь. В отношении духовного, существование подчинено тем же законам, которые мы видим, когда рассматриваем духовное в природных явлениях, как в вышеприведенном случае.

Перенесем теперь этот вопрос на внешнюю материальную жизнь. Нам говорят: ну, и во внешней жизни дело обстоит совершенно также. Да, мои милые друзья, именно потому что дело обстоит также, мы и идем навстречу будущему, когда будем все это осознавать, все больше и больше. Люди все увеличивают производство, строятся фабрики, никто не спрашивает себя, а сколько должно потребляться, как было некогда, когда существовали, например, деревенские портные, шившие платье только тогда, когда оно им заказывалось. Тогда потребитель сам указывал, какое количество должно производиться. Теперь производство ведется для рынка, товары скапливаются в больших количествах. Производство работает полностью по тому принципу, который лежит в основе природного творчества. Природа привносится в социальный порядок, и вначале этот порядок будет преобладать все больше и больше. Здесь, однако, мы созерцаем сферу материального. Во внешней жизни этот духовный закон не находит никакого применения, именно потому, что он имеет значение для духовного мира, и поэтому наступает нечто весьма замечательное. Так как мы здесь между своими, то можем говорить об этом, мир, конечно, не встретит нас сейчас с пониманием. Итак, сейчас производство ведется для рынка, без сообразования с потреблением, так как ведется не в том смысле, который развит в моем докладе о Теософии и социальной жизни. Напротив, на складах и при помощи денежного рынка скапливается вместе все, что производится, и затем выжидается каковы будут закупки. Эта тенденция будет все больше возрастать, пока она себя сама в себе самой не уничтожит. Каждый, кто духовно прозревает социальную жизнь, видит возникающие повсюду ужасные

тенденции к образованию социальных опухолей. В осознании этого заключается великая культурная работа, возникающая для тех, кто прозревает бытие. Это и есть то ужасное, что оказывает столь удручающее действие и что даже тогда, когда можно было бы подавить вообще всякий энтузиазм к духоведению, когда можно было бы подавить все, что может вымолвить слово за духоведение, что даже тогда заставляет как бы кричать миру о средстве исцеления от того, что уже так сильно надвигается и что будет становиться все сильнее и сильнее. То, что должно находиться на одном поприще, в одной сфере, — как творит природа при распространении духовной жизни, — то становится раковым образованием, когда вступает в культуру описанным образом. Прозреть все это и помочь, станет возможным лишь тогда, когда духоведение охватит сердца, пронизет души. И хотелось бы, мои милые друзья, когда насквозь прозреваешь эти вещи, лучше всего иметь в своем распоряжении самый жгучий огонь, чтобы влить его в свои слова, чтобы обратить внимание наших современников, чтобы они смогли понять, какому времени идем мы навстречу.

Все это можно увидеть, если ознакомиться с различными существующими точками зрения в различных сферах бытия. Перед тем, кто стоит между Полуночным Часом и новым рождением перед ним выступают эти точки зрения, потому что, исходя из них, он сам должен стать творящим. И когда он образовал тенденции для того, чтобы свершилась Карма в отношении предстоящих ему ближайших переживаний, тогда перед душой выступают дальнейшие, более определенные переживания. Религиозные и иные общины, к которым человек принадлежал, их он переживает тогда так, что они показывают ему: чтобы не быть односторонним, ты теперь должен сделать то или иное в следующем воплощении. Короче говоря, эта жизнь протекает тогда так, что хотя она так же еще сменяется то духовным общением, то духовным одиночеством, однако, существенно принимает такое направление, что человек сначала строит себе чисто духовно прототип новой земной жизни. И задолго до того, как спуститься к этой земной жизни, человек уже построил себе, исходя из пережитого в духовном мире, духовно-эфирный прототип. Этот первоначальный образ заключает в себе силы, которые можно было бы назвать духовно-магнетическими силами, они притягивают человека вниз, к родительской паре, в отношении которой он чувствует: она даст мне нужные наследственные признаки, чтобы я мог выступить в новой земной жизни.

Я уже указывал, что нормальным является тот момент, когда в нас возникает чувство: мы соединяемся с тем, что от нас удалилось, будучи жизненным плодом нашей последней земной жизни. Но человек не всегда доходит до этого момента. Если мы достигаем этого момента, то наша жизнь протекает так, что мы всецело чувствуем связь между телесным и духовным. Но человек вступает раньше в бытие. Большинство людей является **до срока духовно рожденными**, и лишь позднее это настолько сглаживается, что мы проходим через переживания, которые приводят нас к современному гармоническому слиянию. Одно лишь, однако, представляет чрезвычайную важность. Я описал это вчера. Там, где наше

страстное стремление к внешнему миру должно достигнуть высшей степени, потому что мы в наибольшей степени вошли в одиночество, там находится то, что собственно живет и вздымается только в духовных мирах. Дух, который подступает к нам и превращает наше стремление в своего рода душевный свет. До этого момента времени мы должны сохранить связь с нашим "Я". Мы как бы должны сохранить одно воспоминание: «Ты был на Земле этим "Я"». Это "Я" должно сохраниться как воспоминание. И то что мы можем это сделать в современный нам момент времени, это зависит от того, что Христос внес в земную ауру силу, которая иначе в настоящее время не была бы принесена из земной жизни, чтобы сохранить воспоминание до Полночного Часа, после которого мы затем снова имеем это "Я".

Если бы Импульс Христа не протекал по земному миру, то получился бы разрыв, пропасть, которая сделала бы наше существование в середине между смертью и новым рождением негармоническим. Задолго до наступления Полночного Часа мы забыли бы, что были "Я" в своей последней земной жизни. Мы бы чувствовали связь с духовным миром, но забыли бы себя. Эта память достигается благодаря тому, что мы на Земле действительно так сильно развиваем наше "Я", что приходим все больше и больше к его осознанию. Это стало необходимым со времен Мистерии Голгофы. Но тем, что мы на Земле все больше и больше приходим к осознанию нашего "Я", мы растрчиваем силы, которые нам необходимы после смерти для того, чтобы мы действительно не забыли себя до полночного часа существования. И для того, чтобы мы могли сохранить это воспоминание, для этого мы должны **умереть во Христе**. Таким образом, Импульс Христа должен быть здесь. Он сохраняет нам до Полночного Часа возможность не забыть наше "Я". Затем в Полночный Час существования к нам подступает Дух. И вот мы сохранили воспоминание о своем "Я". Если мы это донесем до Полночного Часа бытия, до тех пор, когда к нам подступает Святой Дух, и дает нам возможность оглянуться назад и вступить в связь с нашим собственным внутренним миром, как с внешним миром, если мы сохранили эту связь, тогда Дух может вести нас до нашего нового воплощения, которое мы вызываем благодаря тому, что образуем наш прототип в духовном мире. Импульс Христа снабжает нас, однако, не только такой силой, которой нам хватало бы ровно до связи. Он дает нам иногда так много, что если бы Дух не подошел к нам, то Импульс Христа мог бы перенести нас дальше. При помощи одного воспоминания мы бы не могли перенестись, но Импульс Христа нас бы перенес. Это имеет громадное значение, и по мере того, как в будущем человек будет развиваться все дальше, ему будет становиться все более и более необходимым воспринимать в себя Импульс Христа в превышающей необходимую меру количестве. И уже теперь необходимо, чтобы человек в течение своей земной жизни узнавал не только самое необходимое о Христе, но чтобы Импульс Христа спускался в его душу в виде мощного импульса, который мог бы его переносить через Полночный Час бытия. Потому что благодаря Импульсу Христа усиливается Импульс Святого Духа, и мы крепче проносим Импульс Духа через вторую половину жизни между смертью и новым рождением, чем

мы пронесли бы его, если бы у нас не было Импульса Христа. То, что у нас остается в виде излишка, усиливает Импульс Духа. Дух был бы иначе только для Духа, и Он перестал бы оказывать Свое действие с момента нашего рождения. Если мы проникаемся Импульсом Христа, то он усиливает Импульс Святого Духа. И из-за этого, в нашу душу может быть внесен такой Импульс Духа, который затем, когда мы войдем в земное воплощение, станет силой, которую мы не истратим в земном воплощении, подобно прочим, принесенным с собой с рождением, силам.

Я подчеркивал, что те силы, которые мы с собой приносим из духовного мира, мы преобразовываем для нашей внутренней организации, а то, что мы таким образом получаем в виде плюса, в виде чего-то большего, когда Импульс Христа усиливает Импульс Духа, это мы вносим в существование, **это не подлежит превращению в течение земной жизни**. Чем дальше мы будем продвигаться в будущее, тем необходимее будет для земного развития, все большее количество людей, которые через свое рождение, при новом воплощении, пронесли бы в земную жизнь Импульс Христа и Импульс Святого Духа. Дух должен оказывать более сильное влияние, чтобы действовать не только до рождения, и чтобы все из духовной жизни было так перемещено, чтобы у нас осталось только немного сознания, которое учило бы нас познанию нашего физического окружения и познанию того, что может быть охвачено, связанным с мозгом рассудком. Если бы мы, развиваясь в будущем, не приносили с собой, будучи людьми, избыток Духа, возникающий описанным образом, то человечество на Земле постепенно приходило бы все больше к тому, чтобы не ощущать в земной жизни ничего связанного с существованием Духа, тогда бы в земной жизни, господствовал лишь **бездуховный дух** — Ариман, и люди могли бы знать только чувственно-физический мир, воспринимаемый чувствами, а также то, что можно понять связанным с мозгом рассудком.

Все подобные вещи испытывают в известной степени по мере дальнейшего развития человека, именно теперь, когда человечество стоит перед опасностью потерять Святой Дух. Но оно не потеряет Его. Духоведение будет стоять на страже, чтобы человечество не потеряло этого Духа, который в Полуночный Час бытия подходит к душе, чтобы оживить в ней стремление увидеть самое себя в своем прошлом и во всей своей ценности. Духоведение будет все больше и все настойчивее говорить об Импульсе Христа, так что все в большем и большем числе людей будет проникновение Духа через физическое рождение, проникновение также и на физический план и в этом физическом существовании будет возникать все больше и больше людей, которые должны быть превращены в организующие силы. Эти люди смогут сказать: в душе моей вспыхивает нечто, что не нуждается в превращении. От Духа, существующего только для духовных миров, я кое-что взял с собой в этот, физический мир, несмотря на то, что живу в моем теле. Этот Дух приведет людей к тому, что они увидят сказанное о Теодоре в драме-мистерии, а именно, что люди будут видеть **эфирный образ Христа**. Сила Духа, которая таким образом войдет в физические тела, даст человеку духовное прозрение и возможность видеть и понимать духовные

миры. В начале их надо будет принять, а затем люди начнут взирать на них с пониманием, созерцание придет, потому что Дух так охватит души, что они внесут этот Дух в тела, и Дух засветится в их земных воплощениях. Сперва он засветится у немногих, а затем Дух засветится уже у многих. И если мы можем сказать: через Святого Духа мы пробуждаемся в великий Полуночный Час бытия, — то должны, с другой стороны, сказать, смотря на то, что принесет Дух в будущем земному развитию: в лежащей в физическом теле душе является то, что дает прозрение в духовные миры, и это будет все больше и больше пробуждаться в душе Святым Духом. Пробужденный Святым Духом в полуночный час человек будет пробужден также и в своем физическом теле, когда он вживется в физическое бытие. Он внутренне проснется благодаря тому, что Дух пробудит его ото сна, в который он был бы иначе погружен, просто вследствие рассматривания чувственного мира и вследствие наличия рассудка, который связан с мозгом. Люди постоянно спали бы под влиянием связанного с мозгом рассудка и под влиянием простого чувственного созерцания, однако, в этот сон, который в будущем все больше и больше омрачал бы человечество, будет светить Дух, находящийся в человеке также и во время физического бытия. Посреди умирающей постепенно духовной жизни, посреди умирающей вследствие простого чувственного созерцания духовной жизни на физическом плане из-за рассудочного мира, человеческие души будут пробуждены и в физическом бытии Святым Духом.

PER SPIRITUM SANCTUM REVIVISCIMUS